

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ О ДЖЕКЕ РИЧЕРЕ
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ЛИ ЧАЙЛД

Жестокий, но справедливый
Джек Ричер – самый крутой
персонаж самой крутой из
ныне продолжающихся
книжных серий.

Стивен Кинг

ДЖЕК РИЧЕР, МММ Я УИДУ ЗАВТРА

Джек Ричер

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Я уйду завтра

«ЭКСМО»

2009

Чайлд Л.

Джек Ричер, или Я уйду завтра / Л. Чайлд — «Эксмо»,
2009 — (Джек Ричер)

ISBN 978-5-699-67061-1

Поздно ночью в почти пустом вагоне нью-йоркского сабвея сидят шесть человек. Один из них – Джек Ричер, который, как обычно, одержим охотой к перемене мест. Вдруг его внимание привлекла одна из попутчиц. Женщина выглядит и ведет себя как-то странно. Террористка с поясом смертницы?.. Ну что ж, жизненное кредо Джека – искать и находить себе неприятности. Ричер подошел к женщине, пытаясь отвлечь ее, а она... достала револьвер и выстрелила себе в голову. Джек ничего не понимает – до тех пор, пока к нему не начинают обращаться самые разные люди, спрашивая лишь одно: «Что она сказала вам перед смертью?» Похоже, с незнакомкой связана какая-то тайна. А разгадывать чужие тайны – еще одна часть жизненного кредо Ричера. И чем они опаснее – тем лучше...

ISBN 978-5-699-67061-1

© Чайлд Л., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 01	6
Глава 02	9
Глава 03	12
Глава 04	15
Глава 05	18
Глава 06	20
Глава 07	23
Глава 08	26
Глава 09	28
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	52
Глава 17	56
Глава 18	58
Глава 19	63
Глава 20	67
Глава 21	69
Глава 22	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ли Чайлд

Джек Ричер, или Я уйду завтра

LEE CHILD

GONE TOMORROW

Copyright © 2009, Lee Child.

This edition published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency LLC

© Гольдич В., Оганесова И., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моим невесткам, Лесли и Салли,
двум женщинам, наделенным редким обаянием и душевными
качествами.*

Глава 01

Заметить террориста-смертника легко. Их выдает огромное количество очевидных признаков. Главный: они нервничают. Потому что по определению делают это в первый раз.

Израильская контрразведка составила руководство по данному вопросу, где указывается, на что следует обращать внимание. Они использовали прагматичные наблюдения и психологию, в результате чего на свет появился список характерных признаков террориста-смертника. Двадцать лет назад меня познакомил с ним капитан израильской армии, для которого этот список являлся настольной книгой. И стал таковой и для меня тоже, поскольку в то время я находился в трехнедельной командировке – по большей части в яре от его плеча – в Иерусалиме, на Западном берегу Иордана, в Ливане, пару раз в Сирии и Иордании, в автобусах, магазинах или на заполненных пешеходами тротуарах. Я постоянно смотрел по сторонам и мысленно сверялся с тем самым списком.

Прошло двадцать лет, но я по-прежнему знаю его наизусть. И продолжаю внимательно смотреть по сторонам. Исключительно по привычке. От других парней я научился еще одной мантре: «Ты должен видеть не глядя и слышать не слушая. Чем ты внимательнее, тем дольше проживешь».

В списке двенадцать пунктов, если подозреваемый мужчина, и одиннадцать – если женщина. Разница заключается в свежевыбритом лице. Мужчины-смертники сбивают бороды, чтобы не выделяться в толпе и не вызвать подозрения. В результате у них более бледная кожа на подбородках, куда не попадали лучи солнца.

Но сейчас меня не интересовали гладко выбритые мужчины.

Я вспоминал список, состоящий из одиннадцати пунктов.

И смотрел на женщину.

Было два часа ночи, я ехал в поезде нью-йоркского метро, который следовал по шестому маршруту линии Лексингтон-авеню, направляясь в центр. Я сел на Бликер-стрит, на южном конце платформы, в вагон, где находилось всего пять человек. Вагоны метро кажутся маленькими и тесными, когда они переполнены людьми. Когда же они пустые, возникает ощущение, будто вагоны огромные, необитаемые и похожи на пещеры. Ночью свет кажется ярче и пронзительнее, хотя днем горят те же самые лампы, других просто нет. Я удобно устроился на месте для двоих к северу от последней двери, со стороны полотна дороги. Остальные пятеро пассажиров сидели к югу от меня, на длинных скамьях, в профиль, боком, далеко друг от друга, и смотрели пустыми взглядами в широкий проход – трое слева и двое справа.

У вагона был номер 7622. Как-то раз я ехал по шестому маршруту и целых восемь остановок выслушивал безумца, рассуждавшего о поездах метро с энтузиазмом, с которым большинство мужчин говорят о спорте или женщинах. Так я узнал, что вагон номер 7622 является моделью P142A, самой новой в нью-йоркской подземке, и что их производит японская корпорация «Кавасаки» в городе Кобе, потом их доставляют сюда по морю, везут на грузовую станцию на Двести седьмой улице, ставят на рельсы, отгоняют на Сто восьмидесятую улицу и там тестируют. Мне стало известно, что вагон может пройти двести тысяч миль без серьезного ремонта. И что автоматизированная система оповещений выдает указания мужским голосом, а информацию – женским. Официально это объясняется случайностью, но на самом деле руководство транспортного хозяйства считает, что такое разделение необходимо с точки зрения психологии. Голоса принадлежат дикторам Блумбергского телевидения, но записаны задолго до того, как Майк¹ стал мэром.

¹ Майкл Рубенс Блумберг (р. 1942) – бизнесмен и 108-й мэр Нью-Йорка. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Мой собеседник сообщил мне, что в данный момент в нью-йоркском метро задействовано шестьсот вагонов P142A, что каждый из них в длину достигает немногим больше пятидесяти одного фута и в ширину чуть больше восьми. Обычный вагон без локомотива, вроде того, в котором мы тогда ехали и сейчас находился я, рассчитан максимум на сорок сидящих пассажиров и сто сорок восемь стоящих. Безумец, читавший мне лекцию, был на все сто процентов уверен в точности своих сведений. Я и сам видел, что сиденья в вагоне сделаны из голубого пластика цвета неба в конце лета или формы британских военно-воздушных сил, а панели на стенах – из фибергласа, защищенного от граффити. И не мог не обратить внимание на двойную строчку рекламных объявлений наверху, там, где стены переходили в потолок, и веселенькие плакатики, расхваливающие телевизионные шоу, языковые курсы, легкие способы получить диплом об окончании высшего учебного заведения и, разумеется, невероятные возможности заработать много денег.

Кроме того, я заметил листовку полиции, которая советовала мне: «Если вы что-то увидите, не молчите».

Ближе всего ко мне находилась женщина-латиноамериканка, которая сидела по диагонали слева, перед первыми дверями, одна на скамье, предназначенной для восьми человек, но не посередине, а с краю. Она была миниатюрной, где-то между тридцатью и пятьюдесятью, и выглядела невероятно измученной. Еще мне показалось, что ей очень жарко. На запястье у нее висел выцветший мешок из супермаркета, и она смотрела в пустое пространство перед собой такими усталыми глазами, что вряд ли что-нибудь там видела.

На противоположной стороне, примерно в четырех футах², расположился мужчина, который один занимал восьмиместную скамью. Судя по темным волосам и морщинистой коже, он родился на Балканах или на Черном море – жилистый, потрепанный тяжелой работой и погодой. Мужчина сидел, широко расставив ноги, опираясь на колени локтями и раскачиваясь в такт движению поезда, не спал, но находился в пограничном состоянии, похожем на анабиоз, когда время останавливается. Выглядел он лет на пятьдесят и был одет совсем не по возрасту – в мешковатые джинсы, доходившие до щиколоток, и слишком большую футболку НБА³ с именем неизвестного мне игрока.

Дальше, слева от меня, к югу от центральных дверей, неподвижно, с закрытыми глазами, сидела женщина, возможно, родом из Западной Африки. Ее черная кожа казалась пыльной и серой от утомления и искусственного света. Она была в ярком платье из батика, на голове повязан платок из той же ткани. Я считаю себя гражданином мира, а Нью-Йорк является его столицей, и я его довольно прилично знаю и понимаю так же, как британец чувствует Лондон, а француз – Париж. Я не слишком близко знаком с его привычками и законами, но мне не составило труда догадаться, что эти трое, едущие в такое позднее время по шестому маршруту на север с Бликер, работают уборщиками в офисах и возвращаются домой после вечерней смены в здании городского совета или в ресторанах Чайнатауна или Маленькой Италии. Скорее всего, они выйдут на станции «Хантс-Пойнт» в Бронксе или доедут до «Пелхэм-Бэй», уже готовые лечь в постель, где их ждет короткий беспокойный сон перед новым длинным днем.

Четвертый и пятый пассажиры от них отличались.

Пятый, мужчина примерно моего возраста, сидел под углом в сорок пять градусов на двухместной скамейке, по диагонали и напротив меня, в дальнем конце вагона. Я отметил, что он одет довольно просто, но не дешево, в брюки из хлопчатобумажного твила⁴ и футболку поло. Он не спал и смотрел на что-то перед собой, но постоянно прищуривался и переводил взгляд на новую точку, как будто о чем-то думал или сохранял бдительность. Его глаза показались

² 1 фут = 0,3048 м.

³ Национальная баскетбольная ассоциация.

⁴ Твил – ткань саржевого переплетения.

мне похожими на глаза профессионального игрока в бейсбол. Я увидел в них осторожную, расчетливую хитрость.

Но мое внимание привлекла пассажирка номер четыре.

«Если вы что-нибудь увидите, не молчите».

Она сидела по правой стороне, одна, на дальней длинной скамье, напротив и примерно посередине между усталой женщиной из Западной Африки и мужчиной с глазами игрока в бейсбол. Она была белой, лет сорока, совсем непривлекательной, с черными волосами, слишком равномерного цвета, чтобы быть натуральным, и аккуратной, но не модной стрижкой. Я отлично ее видел. Мужчина, который находился ближе всех ко мне, справа, по-прежнему опирался локтями на колени, и V-образное пространство между его склоненной спиной и стеной вагона оставалось пустым, если не считать леса стальных поручней.

Не идеальное поле обзора, но мне хватило, чтобы вспомнить список из одиннадцати пунктов. Он вспыхнул в моей памяти, точно вишенки в игровом автомате.

В соответствии с выводами израильской контрразведки я смотрел на террористку-смертницу.

Глава 02

Я тут же отбросил эту мысль, и вовсе не из-за расовой принадлежности женщины. Люди с белой кожей точно так же, как и все остальные, бывают безумными. Я посчитал свои подозрения безосновательными из-за тактического неправдоподобия. Время было выбрано неправильно. Нью-йоркское метро – отличная цель для террориста-смертника, шестой маршрут ничем не хуже любого другого и лучше многих, поскольку поезда делают остановку на Центральном вокзале. Но – в восемь утра или шесть вечера, когда в вагоне сидит сорок человек и еще сто сорок восемь стоит. Нужно всего лишь дождаться, когда двери откроются у заполненной пассажирами платформы, и нажать на кнопку. В результате: сто трупов, еще несколько сотен серьезно раненных, паника, разрушения, возможно, пожар, один из главных транспортных узлов закроется на несколько дней или недель, и, скорее всего, люди вообще перестанут ему доверять. Значительный успех с точки зрения тех, чьи представления о прекрасном нам непонятны.

Но не в два часа ночи. И не в вагоне, где едет всего шесть человек, а на платформах линии Центрального вокзала нет ничего, кроме дрейфующего мусора, пустых одноразовых стаканчиков и пары старых бомжей на скамейках.

Поезд остановился на «Астор-Плейс», двери с шипением открылись, но в вагон никто не вошел. И никто не вышел. Двери снова закрылись, взревели двигатели, и мы поехали дальше.

Строчки памятного списка у меня в голове оставались такими же ослепительно яркими.

Первое наблюдение особого ума не требовало: неподходящая одежда. Сейчас пояса с взрывчаткой усовершенствуются так же, как бейсбольные перчатки. Нужно взять кусок плотного полотна размером три на два фута, сложить его в длину – и вот вы уже держите в руках карман глубиной в фут. Оберните его вокруг пояса террориста и сшейте концы на спине. Молнии или застёжки не годятся, потому что смертник вполне может и передумать. Положите динамит в этот карман, подсоедините к нему провода, заполните все свободные пространства гвоздями или подшипниками, надежно заделайте верхний край и добавьте простые лямки, чтобы они поддерживали вес. Очень эффективно, но громоздко. Спрятать такое сооружение можно только под объемной верхней одеждой, вроде толстой зимней парки. На Ближнем Востоке такие не носят, в Нью-Йорке же она выглядит нормально только три месяца в году.

Но дело происходило в сентябре, на улице стояла жара, как летом, и температура воздуха в метро была на десять градусов выше. Я был в футболке, но пассажирка номер четыре оделась в пуховик – черный, объемный, блестящий, широковатый – да еще застегнула его до самого подбородка.

«Если вы что-то увидите, не молчите».

Я перешел ко второму из одиннадцати пунктов списка, однако проверить его в тот момент не мог. Он звучит так: походка как у робота. Это наблюдение исключительно полезно на пропускном пункте, многолюдном рынке, перед церковью или мечетью, но не относится к подозреваемому, который сидит в общественном транспорте. Террористы-смертники двигаются как роботы вовсе не потому, что их переполняет экстаз от мысли о скором мученичестве; причина в том, что они несут на себе лишних сорок фунтов⁵ веса и грубые лямки впиваются им в плечи, оттягивая их. Кроме того, они все находятся под действием наркотиков. Привлекательность идеи мученичества тоже имеет свои пределы.

Как правило, террористы-смертники являются запуганными до полусмерти простачками, которые засовывают за щеку около десны кусочек пасты из опиума-сырца. Нам это известно, потому что пояса с динамитом взрываются с характерной ударной волной в форме пышки. Она

⁵ 1 фунт = 0,45 кг.

поднимается вверх в долю наносекунды и начисто срывает с террориста голову. На самом деле последняя не так чтобы очень надежно прикреплена к телу и держится только за счет силы тяжести, а также кожи, мышц, сухожилий и связок. Однако эти довольно хрупкие биологические якоря не в состоянии противостоять силе мощного химического взрыва.

Мой израильский наставник говорил мне, что самый простой способ определить, что явилось причиной взрыва на открытом воздухе – террорист-смертник, бомба в машине или пакет со взрывчаткой, – это поискать в радиусе восьмидесяти или девяноста футов оторванную человеческую голову, которая, скорее всего, окажется на удивление целой и неповрежденной, включая кусочек опиума за щекой.

Поезд остановился на «Юнион-сквер», но никто не вышел из нашего вагона и никто не вошел. Внутри с платформы ворвался поток горячего воздуха и вступил в сражение с кондиционером. Потом двери снова закрылись, и поезд покатил дальше.

Пункты с третьего по шестой являются вариациями на тему субъективного восприятия: раздражительность, потливость, тик и нервозность. Хотя лично я считаю, что в данном случае человек может потеть не только от волнения, но и от перегрева. От неподходящей одежды и динамита. Динамит – это древесная масса, пропитанная нитроглицерином, в форме палочек размером с полицейскую дубинку. Древесная масса является хорошим проводником тепла, что и становится причиной перегрева. Однако раздражительность, тик и нервозность – очень важные показатели.

Эти люди переживают последние, причем весьма необычные мгновения своего существования на земле; они нервничают, боятся боли, их сознание затуманено наркотиками. Они иррациональны по определению. Кто-то из них верит всем сердцем, другие – лишь частично, а иные и вовсе не в силах представить себе рай и молочные реки с кисельными берегами, великолепные заливные луга и обещанных девственниц; их толкают на этот шаг идеологическое давление или надежды, которые на них возлагают товарищи или родные. И вдруг оказывается, что они зашли слишком далеко и пути назад нет. Одно дело – смелые выступления на тайных встречах, и совсем другое – действие. Отсюда паника и все ее признаки, хотя террористы-смертники и пытаются скрывать свой ужас.

Пассажирка номер четыре демонстрировала все это в лучшем виде. Как поезд неуклонно приближается к конечной станции, так и она двигалась к финалу своей жизни.

Что подтвердил седьмой пункт инструкции: дыхание.

Она дышала часто и делала глубокие вдохи, которые пыталась контролировать. Вдох, выдох, вдох, выдох. Совсем как техника во время родов, направленная на то, чтобы справиться с болью, либо как результат страшного потрясения или последний отчаянный барьер, помогающий не закричать от ужаса.

Вдох, выдох, вдох, выдох.

Пункт номер восемь: террористы-смертники, собирающиеся себя подорвать, всегда смотрят прямо перед собой. Никто не знает, по какой причине, но это уверенно подтверждают видеозаписи и выжившие свидетели. Возможно, наступает момент, когда террорист подходит к мертвой точке и за дело берется страх. Или, как дети и собаки, они думают, что если они никого не видят, то их тоже никто не видит. А может быть, в них просыпаются остатки совести и они просто не могут заставить себя встретиться глазами с людьми, которых собираются уничтожить. Никто не знает, почему это происходит, но все до одного смертники так делают.

Пассажирка номер четыре именно так себя и вела. Она смотрела на черное окно, расположенное через проход, так напряженно, что могла прожечь взглядом в стекле дыру.

Пункты с первого по восьмой – это проверка. Я поерзал на своем месте, чуть наклонившись вперед.

И замер. Вся идея с тактической точки зрения была совершенно абсурдной. Время выбрано неправильно.

Потом я еще раз посмотрел на женщину и снова сменил положение, потому что пункты девять, десять и одиннадцать имелись в наличии и не вызывали сомнений, а они самые важные.

Глава 03

Пункт номер восемь: молитва шепотом. До сих пор все известные теракты вдохновляла, мотивировала, обосновывала и контролировала религия, почти всегда исключительно ислам, а те, кто его исповедуют, привыкли молиться на публике. Выжившие свидетели рассказывают, что у террористов шевелились губы и что они бесконечно, по кругу и относительно невнятно повторяли какие-то длинные стереотипные формулы.

Пассажирка номер четыре ровно это и делала. Она смотрела в одну точку, и у нее шевелились губы. Не вызвало ни малейших сомнений, что она, задыхаясь, произносила длинный ритуальный речитатив, как мне показалось, повторявшийся примерно каждые двадцать секунд. Возможно, она рассказывала о себе божеству – уж не знаю какому, – которого рассчитывала встретить по другую сторону черты. Или пыталась убедить себя в том, что божество и черта действительно существуют.

Поезд остановился на Двадцать третьей улице, двери открылись, но никто не вошел в вагон и никто не вышел. Я заметил над платформой указатели: Двадцать вторая улица и Парк – северо-восточный угол; Двадцать третья и Парк – юго-восточный угол. Непримечательные районы Манхэттена, которые неожиданно показались мне невероятно привлекательными.

Я пошевелился на своем месте, но двери закрылись, и поезд поехал дальше.

Пункт номер десять: большая сумка.

Динамит – очень надежная штука, если он свежий, и никогда не взрывается случайно. Для этого необходим детонатор, который при помощи специального провода подключен к источнику питания и рубильнику. Здоровенные взрыватели в старых вестернах сочетали в себе и то и другое. Первая часть поворота рукояти запускала генератор, как полевой телефон, после чего срабатывал рубильник. Не слишком практично для портативного использования, следовательно, требуется аккумулятор. Чтобы привести в действие целый ярд⁶ взрывчатки, нужно достаточно высокое напряжение. Крошечные батарейки АА дают всего полтора вольты. Даже по самым приблизительным расчетам этого мало. Батарейка в девять вольт лучше, но для хорошего взрыва надежнее иметь прямоугольный аккумулятор размером с консервную банку, какие продаются для мощных фонарей. Однако он слишком большой и тяжелый, чтобы спрятать его в кармане, поэтому нужна сумка. Аккумулятор лежит на дне сумки, соединенный с рубильником проводами, выходящими через незаметный разрез в задней части сумки и поднимающимися вверх под объемную верхнюю одежду.

Пассажирка номер четыре имела при себе современную сумку на длинном ремне, с какими ходят почтальоны, надетую так, что ремень проходил перед одним плечом и позади другого, а сама сумка лежала на коленях. Судя по тому, как просела жесткая ткань, внутри находился только один, но довольно тяжелый предмет.

Поезд остановился на Двадцать восьмой улице, двери открылись, но никто не вышел и никто не вошел. Двери закрылись, и мы поехали дальше.

Одиннадцатый пункт гласит: руки внутри сумки.

Двадцать лет назад этот пункт стал дополнением к первоначальному десяти. Но жизнь движется вперед. Сначала действие, затем реакция на него. Силы безопасности Израиля и некоторые отважные представители населения начали использовать новую тактику. Если кто-то вызывал у них подозрения, они не бросались бежать. На самом деле убежать совершенно бессмысленно. Человек все равно не в состоянии спастись бегством от шрапнели. Храбрец подскакивал и крепко обнимал подозреваемого, прижимая его руки к бокам, чтобы тот не смог нажать на кнопку. Таким способом удалось предотвратить несколько терактов и спасти мно-

⁶ 1 ярд = 0,91 м.

жество жизнью. Однако террористы умеют делать из происходящего выводы. Теперь их учат постоянно держать большой палец на кнопке, чтобы им никто не мог помешать. Кнопка находится в сумке рядом с аккумулятором. Так появился одиннадцатый пункт.

Пассажирка номер четыре держала руки внутри сумки. Клапан загнулся и выступал между ее запястьями.

Поезд остановился на Тридцать третьей улице. Дверь открылась, но никто не вышел. Одинокая женщина на платформе поколебалась мгновение, потом сделала шаг вправо и вошла в соседний вагон. Я повернулся, заглянул в маленькое окошко у себя за головой и увидел, что она села недалеко от меня. Нас разделяли две стальные стенки и пространство между ними, где находилась сцепка. Мне захотелось помахать ей рукой, чтобы она перешла в дальний конец вагона, потому что там у нее были шансы остаться в живых. Но я ничего такого не сделал. Во-первых, женщина не смотрела на меня, а во-вторых, она бы все равно меня проигнорировала. Я знаю Нью-Йорк. Дикая жестикуляция в ночных поездах метро ни у кого не вызывает доверия.

Двери не закрывались чуть дольше, чем обычно, и на одно безумное мгновение я подумал о том, чтобы попытаться вывести остальных пассажиров наружу. Но я даже не пошевелился. Получился бы настоящий цирк – удивление, непонимание, возможно, языковой барьер. Я не был уверен, что знаю, как будет по-испански «бомба». Может быть, «bomba»? Или это слово означает «лампочка»? Полоумный тип, что-то вопящий про лампочки, вряд ли сумеет кому-то помочь.

Нет, «лампочка» по-испански «bombilla», решил я.

Может быть.

Возможно.

«И, вне всякого сомнения, – размышлял я, – мне не известен ни один из балканских языков. Как, впрочем, и диалектов, распространенных в Западной Африке. Хотя вполне вероятно, что женщина в цветастом платье говорит по-французски, потому что кое-какие регионы в Западной Африке являются франкоязычными». А я знаю французский. «Une bombe. La femme la-bas a une bombe sous son manteau». У той женщины под пальто спрятана бомба. Женщина в цветастом платье может меня понять. Или каким-то другим способом догадается, что я имею в виду, и просто пойдет за нами.

Если вовремя проснется. Если откроет глаза.

В конце концов я остался сидеть на месте.

Двери закрылись.

И поезд покатил дальше.

Я не сводил глаз с пассажирки номер четыре, думая о том, что ее тонкий бледный палец касается спрятанной в сумке кнопки. Вероятно, устройство с кнопкой куплено в «РадиоШэк»⁷ за полтора доллара. Совершенно невинная деталь, если речь идет о хобби. Я представил переплетение проводов, красных и черных, скрепленных между собой клейкой лентой. И толстый шнур детонатора, выходящий из сумки и прячущийся под курткой, где он соединяет двенадцать или двадцать подрывных капсулей в длинную, смертоносную цепочку. Электричество движется со скоростью, близкой к скорости света. А динамит – невероятно мощная взрывчатка. В замкнутом пространстве, вроде вагона метро, одно лишь давление размажет нас всех по стенам. Гвозди и подшипники будут совершенно лишними. Вроде пуль против мороженого. От нас почти ничего не останется. Разве что стремечко или наковальня в среднем ухе. Это самые мелкие косточки в человеческом теле, следовательно, существует статистическая вероятность, что облако шрапнели их не затронет.

Я смотрел на женщину, понимая, что у меня нет ни единого шанса к ней подойти. Я находился в тридцати футах от нее, и она держала палец на кнопке. Дешевые латунные контакты,

⁷ Сеть магазинов, торгующих электроникой.

вероятно, расположены на расстоянии одной восьмой дюйма друг от друга, и этот крошечный промежуток слегка сокращается и увеличивается в такт биению ее сердца; к тому же у нее наверняка дрожит рука.

Она была готова умереть, а я – нет.

Поезд катил вперед в сопровождении характерной симфонии звуков – воя встречного ветра в тоннеле, грохота и стука расширителей под железными бандажами колес, скрежета бугелей, шума двигателей и повторяющегося визга колес вагонов, мчащихся друг за другом по рельсам подземки.

Куда она едет? Под чем проходит шестой маршрут? Может ли террорист-смертник взорвать целое здание? По моим представлениям, это невозможно. В таком случае где в два часа ночи можно найти большое скопление людей? Таких мест совсем немного. Например, ночные клубы, но мы уже проехали мимо большей части из них, да и в любом случае она не сумеет пройти мимо бархатной веревки ограждения.

Я смотрел на нее.

Слишком внимательно.

Она это почувствовала.

И повернула голову – медленно, плавно, словно движение было заранее запрограммировано.

Взглянула на меня.

Наши глаза встретились.

И она переменилась в лице.

Она поняла, что я разгадал ее намерение.

Глава 04

Мы смотрели друг на друга почти целых десять секунд; потом я встал, постарался сохранить равновесие в движущемся поезде и сделал шаг вперед. Я не сомневался, что бомба прикончит меня с расстояния в тридцать футов, на котором я находился, и решил, что, если я окажусь к ней ближе, хуже уже не будет. Я прошел мимо латиноамериканки слева и мужчины в футболке НБА справа, затем миновал женщину из Западной Африки, сидевшую слева, – у той по-прежнему были закрыты глаза. Слегка покачиваясь, я перебирал поручни слева и справа, приближаясь к пассажирке номер четыре. Она не сводила с меня глаз, что-то бормотала, была напугана и задыхалась, но продолжала держать руки внутри сумки.

Я остановился в шести футах и сказал:

– Мне бы очень хотелось ошибиться насчет того, что происходит.

Она ничего не ответила, но ее губы продолжали шевелиться. Она что-то сделала внутри сумки из толстого черного брезента, и крупный предмет слегка сдвинулся в сторону.

– Я хочу взглянуть на ваши руки, – сказал я.

Женщина молчала.

– Я полицейский и могу вам помочь, – соврал я.

Она по-прежнему ничего не отвечала.

– Давайте поговорим, – предложил я ей.

Женщина продолжала молчать.

Я перестал держаться за поручни и опустил руки. Так я казался меньше и не таким пугающим – самый обычный мужчина. Я стоял не шевелясь, насколько это возможно в движущемся поезде, и ничего не делал. Да я ничего и не мог сделать, понимая, что ей потребуется доля секунды, чтобы нажать на кнопку; мне же – значительно больше, чтобы хоть что-то предпринять. Только вот вариантов у меня никаких не было.

Я мог попытаться схватить и вырвать сумку из рук женщины, но широкая лямка из плотного хлопка, вроде тех, из которых сделаны пожарные шланги, обхватила все ее тело. Прежде чем сумка поступила в продажу, ее хорошенько выстирали и обработали, чтобы она не выглядела как новая вещь – так теперь частенько поступают, – но все равно осталась довольно прочной. Так что в результате я бы сдернул женщину со скамьи и уронил на пол.

Впрочем, мне не удалось бы к ней близко подобраться – она успела бы нажать на кнопку прежде, чем я протянул бы руку.

Я мог попробовать дернуть сумку вверх, а другую руку засунуть за нее и вырвать из гнезда шнур детонатора. Но он наверняка был достаточно длинным, чтобы не сковывать движения, значит, мне пришлось бы поднять руку фута на два, прежде чем я встретил бы какое-то сопротивление. А к этому моменту она успела бы нажать на кнопку, просто от удивления.

Еще можно было ухватиться за куртку и оторвать какие-нибудь другие провода, но меня отделяла от них толстая прослойка гусяного пуха и скользкая нейлоновая ткань, и я бы не смог удержать ее в руке.

Никакой надежды.

Я мог попытаться вывести террористку из строя. Например, быстро и сильно ударить по голове, чтобы она потеряла сознание. Однако, несмотря на то что я все еще двигаюсь достаточно быстро, чтобы хорошенько замахнуться с расстояния в шесть футов, мне потребовалось бы почти полсекунды. А ей – всего лишь передвинуть подушечку пальца на восьмую часть дюйма.

Я не сомневался, что она меня опередит.

– Можно я сяду рядом с вами? – спросил я.

– Нет, не подходите ко мне, – ответила она бесцветным, невыразительным голосом, в котором я не услышал никакого явного акцента. Американский английский, но она могла быть родом откуда угодно.

С близкого расстояния она не показалась мне слишком возбужденной или безумной – всего лишь смирившейся с реальностью, печальной, напуганной и уставшей. Женщина смотрела на меня с таким же напряжением, с каким изучала окно напротив. У меня сложилось впечатление, что она в ясном уме и прекрасно осознает, что собирается сделать. Я чувствовал, что она меня внимательно разглядывает, и не мог позволить себе пошевелиться. Я вообще ничего не мог.

– Уже поздно, вам нужно подождать часа пик, – сказал я.

Она ничего мне не ответила.

– Еще шесть часов, – добавил я. – Тогда все получится гораздо лучше.

Ее руки зашевелились внутри сумки.

– Не сейчас, – сказал я.

Она молчала.

– Покажите мне одну руку. Всего одну, – попросил я. – Вам нет нужды держать внутри обе руки.

Поезд начал резко замедлять ход, меня отбросило назад, но я быстро сделал шаг вперед и потянулся, чтобы ухватиться за поручень под потолком. У меня были влажные ладони, а стальной поручень показался раскаленным. «Центральный вокзал», – подумал я и ошибся. Я выглянул в окно, но вместо ярких огней и белой плитки увидел тусклое сияние синей лампы. Мы остановились в тоннеле. Там либо шли ремонтные работы, либо машинист ждал сигнала семафора.

Я снова повернулся к женщине.

– Покажите мне одну руку, – повторил я.

Она продолжала молчать, только смотрела на мой живот. Когда я поднял руки, футболка задралась, и она увидела над поясом штанов шрам: выпуклую белую кожу с жесткими буграми и большими грубыми стежками, как на карикатурах. Я получил его давным-давно в Бейруте, когда взорвался грузовик с бомбой, начиненной шрапнелью. Тогда я находился в ста ярдах от места взрыва.

Сейчас же я стоял на девяносто восемь ярдов ближе к женщине, сидевшей на скамье.

Она не сводила глаз с моего живота. Большинство людей спрашивают, как я получил шрам, но я не хотел, чтобы она задала мне этот вопрос, потому что в мои планы не входило разговаривать про бомбы. По крайней мере, с ней.

– Покажите мне одну руку, – снова повторил я.

– Зачем? – спросила она.

– Вам не нужно держать там обе.

– В таком случае какая вам от этого будет польза?

– Не знаю, – признался я.

На самом деле я не имел ни малейшего представления о том, что делаю, поскольку никогда не был переговорщиком. Я просто разговаривал ради самого процесса. Что на самом деле совсем для меня не характерно. По большей части я довольно молчаливый человек, и с точки зрения статистики трудно предположить, что я могу умереть на середине предложения.

Возможно, именно по этой причине я продолжал говорить.

Женщина пошевелила руками внутри сумки. Я заметил, как она переложила что-то в правую и медленно вытащила наружу левую – маленькую, с бледной кожей женщины среднего возраста, проступающими венами и сухожилиями и коротко подстриженными, самыми обычными ногтями. Я не увидел на ней колец – значит, она не была замужем или помолвлена. Жен-

щина повернула руку ладонью вверх, чтобы показать, что та пуста. Кожа на ладони покраснела, потому что ей было жарко.

– Спасибо, – поблагодарил я ее.

Она положила руку ладонью вниз на скамью рядом с собой – и так и оставила ее там, словно та не имела к ней ни малейшего отношения. Впрочем, в этот момент так и было. Поезд остановился в темноте, я опустил руки, и моя футболка вернулась на место.

– А теперь покажите мне, что у вас в сумке, – сказал я.

– Зачем?

– Я просто хочу посмотреть, что бы это ни было.

Она ничего не ответила и не пошевелилась.

– Обещаю, я не стану пытаться отобрать у вас то, что вы там прячете. Я всего лишь посмотрю. Не сомневаюсь, что вы все и сами понимаете.

Поезд сдвинулся с места, медленно, плавно и без рывков, на небольшой скорости приближаясь к станции, до которой, по моим прикидкам, осталось около двухсот ярдов.

– Мне кажется, я, по меньшей мере, имею право посмотреть, что у вас там лежит, – проговорил я.

Женщина поморщилась, как будто не поняла меня.

– Не вижу причин, по которым вам это нужно, – ответила она.

– Не видите?

– Нет.

– Причина в том, что я здесь нахожусь. Кроме того, возможно, я сумею проверить, все ли там в порядке. На будущее. Потому что вы должны сделать это позже. Не сейчас.

– Вы сказали, что вы полицейский.

– Все в порядке, я могу вам помочь, – попытался успокоить ее я и оглянулся через плечо.

Поезд медленно подбирался к белому свету, сиявшему впереди. Я снова повернулся к женщине. Ее правая рука двигалась в сумке. Она сжала ее и одновременно медленно вытащила наружу.

Я не сводил с нее глаз. Сумка зацепилась за левое запястье, женщина левой рукой стряхнула ее, и я увидел правую руку.

Это был не аккумулятор, не провода, не кнопка и не взрыватель, а кое-что совсем другое.

Глава 05

Женщина держала в руке пистолет, который она направила на меня, в точку, расположенную в самом центре линии между пахом и пупком. Как раз в ту область, где находится много всего полезного – внутренние органы, позвоночник, кишечник, разные артерии и вены. Это был «Ругер Спид-Сикс», большой старый револьвер калибра.357 «магнум» с коротким четырехдюймовым дулом, способный проделать во мне дыру такого размера, что сквозь нее можно будет увидеть дневной свет.

Но в целом я чувствовал себя гораздо лучше, чем секунду назад. По многим причинам. Бомбы убивают много людей и сразу. Пистолеты делают это по очереди. Кроме того, в отличие от бомб, тот, кто собирается стрелять из пистолета, должен прицелиться. Полностью заряженный «Спид-Сикс» весит около двух фунтов, что довольно много для тонкого женского запястья. Во время выстрела около дула возникает обжигающая вспышка и бывает очень сильная отдача. Если бы пассажирка номер четыре пользовалась своим пистолетом раньше, она бы это знала и я бы увидел то, что опытные стрелки называют «маневры с револьвером». За долю секунды до того, как нажать на курок, она бы напрягла руку, закрыла глаза и отвернула голову в сторону.

У нее были все шансы промахнуться, несмотря на то что я стоял всего в шести футах. Как правило, выстрелы из пистолетов редко попадают в цель. Разве что в тире, где имеются наушники и защищены глаза, а также у вас полно времени, вы спокойны и ничто не зависит от вашего выстрела. Но в реальном мире человек с пистолетом в руке обычно охвачен паникой, ему страшно, его трясет, у него отчаянно колотится сердце, поэтому все зависит от везения – или невезения. Моего или ее.

Если она промахнется, у нее не будет шанса сделать еще один выстрел.

– Успокойтесь, – сказал я, просто чтобы не молчать.

Ее палец на спусковом крючке побелел от напряжения, но она пока что им не шевелила. «Спид-Сикс» – это револьвер двойного действия. Первая половина движения спуска отводит назад боек и вращает барабан, вторая – опускает боек и производит выстрел. Сложная механика, которая требует времени. Немного, конечно, но тем не менее. Я смотрел на ее палец, чувствуя, что за нами наблюдает мужчина с глазами игрока в бейсбол, и понял, что спиной загораживаю обзор из дальнего конца вагона.

– Вы же ничего не имеете против меня лично, мисс. Мы с вами даже не знакомы. Так что опустите пистолет и давайте поговорим.

Женщина продолжала молчать. Возможно, что-то появилось у нее на лице, но я на него не смотрел. Я следил за ее пальцем, поскольку меня интересовал только он. А еще я сосредоточился на вибрации пола, дожидаясь, когда вагон остановится. Тот безумец, что помешался на поездах метро, рассказал мне, что каждый P142A весит тридцать пять тонн и может развить скорость, равную шестидесяти двум милям в час. Поэтому у них очень мощные тормоза. Слишком мощные для гладкого движения при низких скоростях. Значит, ровное скольжение невозможно. Они останавливаются резко и с громким скрежетом. И часто буксуют последние несколько ярдов на заблокированных колесах. Отсюда и характерный звук.

Я предположил, что то же самое будет и с нами, даже несмотря на невысокую скорость. Возможно, в некотором смысле как раз из-за нее. Револьвер представлял собой что-то вроде груза на конце маятника. Тонкая длинная рука и два фунта стали. Когда сработают тормоза, инерция толкнет ствол вперед и вверх. Этому учит закон движения Ньютона. Я приготовился сразиться с собственной инерцией, оттолкнуться от поручней и нырнуть вниз. Если «ругер» дернется всего на пять дюймов севернее, а я перемещусь на столько же южнее, мне удастся избежать пули.

Возможно, хватит и четырех дюймов. Или, безопасности ради, четырех с половиной.

– Где вы получили свой шрам? – спросила женщина.

Я не стал ей отвечать.

– В вас стреляли?

– Бомба, – сказал я.

Она сдвинула дуло налево от себя и направо от меня и теперь прицелилась в то место, где мой шрам прятался под футболкой.

Поезд въехал на станцию «Центральный вокзал» очень медленно, почти со скоростью пешехода. Здесь длинные платформы, и первый вагон целеустремленно катил к концу одной из них. Я ждал, когда сработают тормоза, приготовившись к тому, что в следующее мгновение вагон дернется.

Но ничего такого не произошло.

Пистолет снова устоялся в центр моего живота и вдруг начал подниматься вертикально вверх. На долю секунды мне показалось, что женщина собралась сдаться, но дуло продолжало двигаться. Женщина вскинула подбородок, словно решила продемонстрировать мне упрямство и гордость, потом прижала дуло к мягкой коже под ним, наполовину взвела курок, цилиндр повернулся, и боек скользнул по нейлону ее куртки.

Затем она дожала спусковой крючок до конца и вышибла себе мозги.

Глава 06

Двери довольно долго не открывались. Возможно, кто-то воспользовался аварийным интеркомом или машинист услышал выстрел. Как бы там ни было, система полностью заблокировала вагон. Я не сомневался, что служащие метро множество раз отрабатывали свои действия в подобных ситуациях. И это вполне разумно. Лучше запереть безумца с пистолетом в руках в одном вагоне, чем позволить ему бегать по всему городу.

Должен сказать, что ожидание не доставляло никакого удовольствия. Патрон «магнум» калибра 357 изобретен в 1935 году. В переводе с латыни «magnum» означает «большой». В нем более тяжелые пули и сильнее пороховой заряд. Строго говоря, последний не взрывается, а в результате химического процесса, представляющего собой нечто среднее между горением и взрывом, быстро сгорает. Идея заключалась в том, чтобы создать громадный пузырь горячего газа, который, наподобие взведенной пружины, будет толкать перед собой пулю внутри дула. Обычно газ вырывается вслед за пулей, поджигает кислород около пистолета, и возникает огненная вспышка. Но если приставить пистолет непосредственно к голове, как это сделала пассажирка номер четыре, пуля проделает в коже дыру, а вслед за ней внутрь ворвется газ. Под кожей он быстро расширится – и либо проделает огромное выходное отверстие в форме звезды, либо сорвет плоть с костей, в результате чего череп полностью обнажится.

Именно это и произошло в данном случае. Лицо женщины превратилось в обрывки окровавленной плоти, свисающей с раздробленных костей. Пуля прошла вертикально через рот и направила свою мощную кинетическую энергию в черепную коробку. Резко возникшее давление нашло выход через соединения между пластинами черепа, заросшими в раннем детстве. Сейчас они снова разошлись, и несколько больших фрагментов костей прилипли к стене наверху и у нее за спиной. Так или иначе, голова женщины развалилась на части. Однако защищенный от граффити стеклопластик выполнил свою задачу. Белые осколки костей, темная кровь и серое вещество стекали по его скользкой поверхности, не приставая к ней и оставляя тонкие полосы, похожие на следы улиток. Тело женщины повалилось на скамью, правый указательный палец все еще оставался на спусковом крючке револьвера, который отскочил от бедра и теперь лежал рядом с ней на сиденье.

Грохот выстрела все еще звучал у меня в ушах, но я слышал у себя за спиной какой-то приглушенный шум. И чувствовал запах крови. Я сделал шаг вперед и проверил сумку пассажирки номер четыре. Она оказалась пустой. Тогда я растянул молнию на куртке, но увидел под ней только белую хлопчатобумажную блузку, и меня окатила вонь опорожнившегося кишечника и мочевого пузыря.

Я нашел панель с кнопкой аварийного вызова и сам связался с машинистом.

– В предпоследнем вагоне совершено самоубийство. Застрелилась женщина, – сказал я. – Все закончилось. Мы в безопасности, и нам ничто не угрожает.

Я не хотел дожидаться, когда полицейский департамент Нью-Йорка вызовет отряд SWAT⁸, наденет доспехи, вооружится до зубов и постарается незаметно подобраться к месту происшествия. На это могло уйти много времени.

Я не получил от машиниста никакого ответа, но через минуту по громкой связи в поезде раздался его голос:

– Сообщаем пассажирам, что двери будут закрыты в течение нескольких минут в связи с возникшими непредвиденными обстоятельствами.

⁸ Элитные полувоенные боевые подразделения американских полицейских департаментов, предназначенные для выполнения опасных операций, аналог российского СОБРа.

Он говорил медленно, видимо, читал текст инструкции. Голос у него дрожал и не имел ничего общего с гладкими уверенными интонациями блумбергских дикторов.

Я в последний раз окинул взглядом вагон и сел в трех футах от обезглавленного тела.

В телевизионных полицейских сериалах пройдет несколько эпизодов, прежде чем в реальной жизни копы прибудут на место происшествия. За это время эксперты получают и исследуют образцы ДНК, проведут сравнительный анализ, детективы выследят и поймают преступника, его отдадут под суд и вынесут приговор. Впрочем, в конце концов шестеро полицейских все-таки спустились к нам по лестнице. Судя по фуражкам, бронежилетам и оружию в руках, это были патрульные из полицейского департамента Нью-Йорка, ночная смена, скорее всего, из четырнадцатого участка на Западной Тридцать пятой улице, которая находится в знаменитом Мидтаун-Саут. Они пробежали по платформе и стали проверять поезд, начиная с головного вагона. Я снова встал и принялся наблюдать за ними в окна, расположенные над сцепками, вдоль всей длины поезда. Получилось, будто я смотрел в длинный, освещенный тоннель из стали. Чем дальше, тем более размытой становилась картинка – из-за грязи и дефектов зеленого слоистого стекла.

Но я все равно сумел разглядеть, как полицейские открывали двери одного за другим вагонов, проверяли их, убеждались, что все в порядке, выводили пассажиров и направляли к лестнице на улицу. Время было ночным, и народу в поезде ехало немного, так что они быстро добрались до нас. Заглянули в окна, увидели тело и пистолет – и напряглись. Двери с шипением открылись, и копы вбежали внутрь, по двое в каждую, и мы все, чисто рефлекторно, подняли руки.

У каждой двери встало по копу, трое оставшихся направились к мертвой женщине и остановились примерно в шести футах от нее. Они не стали проверять наличие пульса или других признаков жизни и не поднесли зеркало к носу, чтобы убедиться, что она не дышит. Частично потому, что это и так не вызывало сомнений, а частично потому, что у нее не было носа. Хрящ полностью оторвало, и в тех местах, где из-за внутреннего давления глаза вывалились наружу, остались осколки костей.

Крупный полицейский с сержантскими нашивками отвернулся от трупа и посмотрел на нас. Он слегка побледнел, но в остальном являл собой неплохую иллюстрацию девиза: «Это наша обычная работа».

– Кто видел, что здесь произошло? – спросил он.

В передней части вагона царила тишина. Женщина-латиноамериканка, мужчина в футболке НБА и уроженка Западной Африки сидели не шевелясь и ничего не говорили. Пункт номер восемь: напряженный взгляд прямо перед собой. Они все делали ровно это. «Если я тебя не вижу, значит, и ты не видишь меня». Мужчина в футболке поло тоже молчал. Поэтому я ответил:

– Она достала из сумки пистолет и застрелилась.

– И все?

– Более или менее.

– Почему?

– Откуда мне знать?

– Где и когда?

– На подъезде к станции, где конкретно, не знаю.

Коп принялся обдумывать полученную информацию. Самоубийство посредством выстрела из пистолета. Метро входит в юрисдикцию полицейского департамента Нью-Йорка. Зона, в которой поезд начал снижать скорость, между Сорок первой и Сорок второй улицами, находится в ведении четырнадцатого участка. Получается, что это его дело. Без вариантов. Он кивнул и сказал:

– Ладно, я прошу всех выйти из вагона и подождать на платформе. Мы запишем ваши имена и адреса и снимем с вас показания.

Затем он включил микрофон у себя на воротнике, и тут же вагон наполнил громкий шум статических помех. В ответ сержант выдал длинную речь, состоящую из кодов и цифр, и я понял, что он вызвал парамедиков и машину «скорой помощи». После этого за дело возьмутся ребята из транспортной службы, которые отцепят и приведут в порядок вагон, чтобы он мог снова вернуться в строй, не нарушая расписание. По моим представлениям, в этом не было ничего особо сложного. До утреннего часа пик оставалась еще куча времени.

Мы вышли в собирающуюся на платформе толпу, состоящую из представителей транспортной полиции, обычных копов, которые все прибывали, работников метро, толпившихся плотными кучками, и служащих Центрального вокзала, явившихся на шум. Через пять минут вниз по лестнице прогремели парамедики из Департамента пожарной охраны Нью-Йорка, тащившие за собой каталку. Они миновали ограждение и вошли в вагон, а полицейские, прибывшие на место происшествия первыми, освободили территорию. Я не видел, что было дальше, потому что копы начали пробираться сквозь толпу, оглядываясь по сторонам, по одному на каждого пассажира вагона, чтобы отвести их для дальнейшей дачи показаний. Ко мне подошел крупный сержант. Я ответил на его вопрос, поэтому стоял в списке под первым номером. Он провел меня в самые глубины станции, в душную, со спертым воздухом комнату, выложенную белой плиткой. Судя по всему, она являлась одним из помещений, принадлежавших транспортной полиции. Сержант предложил мне сесть на деревянный стул и спросил, как меня зовут.

– Джек Ричер, – ответил я.

Он сделал соответствующую запись и больше ничего не сказал. Просто стоял в дверях и наблюдал за мной. И ждал. Я сообразил, что он дожидается детектива.

Глава 07

Детективом оказалась женщина, которая пришла одна. Она была в брюках и серой блузке с короткими рукавами. Возможно, шелковой или же синтетической; в любом случае из какого-то блестящего материала. Блузку она не стала заправлять в брюки, видимо, чтобы скрыть пистолет, наручники и все остальное, что у нее имелось при себе. Я сразу заметил, что она стройная и миниатюрная, с овальным лицом и темными волосами, убранными назад. И никаких украшений, даже обручального кольца. В общем, привлекательная женщина примерно лет сорока. Мне она сразу понравилась.

Детектив выглядела расслабленной и доброжелательной, показала мне свой значок и вручила визитку с номерами рабочего и мобильного телефонов, а также электронным адресом в полицейском департаменте Нью-Йорка. После этого она громко произнесла свое имя, написанное на визитке. Ее звали Тереза Ли, с твердым «т». Но она не имела никакого отношения к выходцам из Азии. Видимо, «Ли» осталось от старого брака или являлось версией «Лей», принятой на острове Эллис, либо сокращением более длинного и сложного имени. Впрочем, может быть, она была родственницей Роберта Э. Ли⁹.

– Вы не могли бы подробно рассказать мне, что произошло, – попросила она, слегка приподняв брови.

Голос Терезы Ли звучал мягко, чуть с придыханием, его переполняли забота и сострадание, как будто ее больше всего на свете беспокоил посттравматический стресс, в котором я находился. «Не могли бы вы мне рассказать?» «Вы сможете?» Как будто она спрашивала: «Вы в состоянии снова это пережить?» Я мимолетно улыбнулся. Количество убийств в Мидтаун-Саут в год определяется однозначной цифрой, и даже если Тереза Ли занималась всеми ими с того самого дня, как пришла работать в полицию, я все равно видел намного больше трупов, чем она. Тут даже сравнивать нечего. Женщина, застрелившаяся в поезде, представляла собой не самое приятное зрелище, но далеко не из худших.

Поэтому я рассказал ей, что произошло, начиная от Бликер-стрит, потом про список из одиннадцати пунктов и про то, как я осторожно подошел к женщине, о нашем коротком разговоре, пистолете и самоубийстве.

Тереза Ли решила поговорить про список.

– У нас есть экземпляр, но считается, что это секретная информация, – сказала она.

– Он курсирует по миру вот уже двадцать лет, – возразил я. – И у всех имеется свой экземпляр. Вряд ли его можно назвать секретным.

– А вы где с ним познакомились?

– В Израиле, сразу после того, как он увидел свет, – ответил я.

– Как вам это удалось?

Мне пришлось изложить ей свое резюме, краткий вариант. Армия США, тринадцать лет в военной полиции, элитное 110-е следственное подразделение, служба по всему свету плюс командировки в самые разные места в соответствии с приказами начальства. Далее – падение Советов, в качестве дивидендов мир во всем мире, сокращение бюджета на армию и неожиданная свобода.

– Вы офицер или рядовой? – спросила она.

– Последний чин – майор, – сказал я.

– А сейчас?

– Я в отставке.

⁹ Роберт Эдвард Ли (1807–1870) – американский военный, генерал армии Конфедеративных Штатов Америки, командующий Северо-вирджинской армией и главнокомандующий армией Конфедерации.

– Вы слишком молодой, чтобы быть в отставке.
– Я решил насладиться жизнью, пока еще есть такая возможность.
– Получается?
– Еще как. Лучшее время моей жизни.
– Что вы делали сегодня вечером в Виллидж?
– Слушал музыку, – ответил я. – В клубах на Бликер, где играют блюзы.
– И куда направлялись на поезде шестого маршрута?
– Собирался снять где-нибудь номер или доехать до Порт-Осорити¹⁰ и там сесть на автобус.

– Куда?
– Все равно.
– Короткий визит?
– Это лучшее, что может быть.
– Где вы живете?
– Нигде. Мой год состоит из коротких визитов в разные места.
– Где ваш багаж?
– У меня его нет.

Многие после этого задают еще вопросы, но Тереза Ли не стала. В глазах у нее промелькнуло новое выражение, и она сказала:

– Меня совсем не радует, что список оказался неверным. Я думала, там перечислены все определенные признаки, – она обращалась ко мне, как коп к копу, как будто моя прежняя работа имела для нее значение.

– Он оказался лишь частично неверным, – возразил я. – В том разделе, где говорится про самоубийство, все точно.

– Наверное, признаки были бы такими же, – не стала спорить она. – Но все равно получилось ложное распознавание сигналов.

– Лучше, чем наоборот.
– Наверное, – повторила она.
– Известно, кто она такая? – спросил я.

– Пока нет, но мы это выясним. Мне сказали, что на месте происшествия обнаружены ключи и бумажник. Вероятно, они помогут установить личность погибшей. Но зачем она надела зимнюю куртку?

– Понятия не имею, – ответил я.

Тереза Ли замолчала, как будто испытала сильное разочарование.

– Мир терроризма постоянно изменяется и развивается, – сказал я. – Лично мне кажется, что стоит добавить одиннадцатый пункт в список, касающийся женщин-смертниц. Если она снимет головной платок, мы увидим границу загара, такую же, как у мужчины, сбросившего бороду.

– Звучит разумно, – проговорила Тереза Ли.

– Я читал книгу, где объяснялось, что часть, касающаяся девственниц, – всего лишь ошибка перевода. Это слово имеет двойное значение. Оно появляется в отрывке, переполненном образами еды. Молоко и мед. Возможно, означает изюм. Такой сочный, пухлый, возможно, засахаренный или в меду.

– Они убивают себя ради изюма?
– Хотел бы я посмотреть на их лица.
– Вы лингвист?

¹⁰ Скоростная подземная железная дорога, соединяющая Манхэттен с городками Хобокен и Джерси-Сити в штате Нью-Джерси и идущая далее, в зависимости от линии, в Ньюарк, который находится примерно в 20 километрах от Нью-Йорка.

– Я говорю по-английски и по-французски, – ответил я. – И, кстати, зачем женщине-смертнице девственницы? Множество священных книг переведены с ошибками. Особенно в тех местах, которые касаются девственниц. Даже, вероятно, Новый Завет. Кое-кто утверждает, будто Мария была не девственницей, а всего лишь женщиной, родившей своего первого ребенка. Слово взято из иврита. Авторы оригинальных текстов животы бы надорвали, если бы узнали, во что мы их превратили.

Тереза не стала комментировать мои слова. Вместо этого она спросила:

– Вы в порядке?

Я решил, что ее интересует, не слишком ли меня потрясло случившееся и не нужна ли профессиональная помощь. Может быть, она приняла меня за немногословного в обычной жизни человека, который сейчас слишком много болтает. Но оказалось, что я ошибся.

– Я в порядке, – ответил я.

Тереза слегка удивилась и проговорила:

– Я бы тоже жалела, что подошла к той женщине в поезде. Мне кажется, вы подтолкнули ее к самоубийству. Возможно, через пару остановок она бы сумела справиться с тем, что ее так расстроило.

С минуту мы сидели молча, потом крупный сержант просунул в дверь голову и кивком вызвал Ли в коридор. Я услышал, что они о чем-то шепчутся, затем Ли вернулась и попросила меня проехать с ней в участок на Западной Тридцать пятой улице.

– Зачем? – спросил я.

– Пустая формальность, – поколебавшись, сказала она. – Чтобы напечатать ваши показания и закрыть дело.

– У меня есть выбор?

– Вы можете отказаться, – ответила она. – Но в деле речь идет об израильском списке. Значит, имеются все основания говорить о государственной безопасности. Вы важный свидетель, так что нам по силам продержать вас у себя до тех пор, пока вы не состаритесь и не умрете. Лучше играть по правилам и вести себя как законопослушный гражданин.

Я пожал плечами и вышел вслед за ней из лабиринта станции «Центральный вокзал» на Вандербилт-авеню, где она припарковала свою машину – «форд краун викторию», без опознавательных знаков, побитую и грязную, но в отличном состоянии. Мы без проблем добрались до Западной Тридцать пятой улицы, вошли через величественную старую дверь, и Тереза Ли провела меня вверх по лестнице к комнате для допросов. Около нее она отступила назад и осталась в коридоре, дожидаясь, когда я войду внутрь, а потом закрыла дверь и заперла ее на замок.

Глава 08

Тереза Ли вернулась через двадцать минут с заведенным по самоубийству делом и мужчиной, которого я еще не видел. Она положила папку на стол и сказала, что мужчина ее напарник и зовут его Доэрти. Она добавила, что у него возникло несколько вопросов, которые ей, вероятно, следовало задать самой во время нашего разговора.

– Каких вопросов? – поинтересовался я.

Сначала она предложила мне кофе и спросила, не хочу ли я сходить в туалет. Я ответил утвердительно на оба ее предложения, и Доэрти проводил меня в конец коридора, а когда мы вернулись, на столе рядом с папкой стояли три пластиковых стаканчика, два с кофе и один с чаем. Я взял кофе, сделал глоток и решил, что он вполне приличный. Ли выбрала чай, Доэрти достался второй стаканчик с кофе.

– Расскажите еще раз все с самого начала, – попросил он.

Я так и сделал, очень сжато и только голые факты. Доэрти, так же как до него Ли, немного повыступал, обвинив израильтян в том, что я сделал ложный вывод. Я ответил ему то же, что и ей, сказав, что было бы гораздо хуже, если бы произошло наоборот. И что если смотреть на ситуацию с точки зрения поведения погибшей женщины, налицо имелись все признаки, описанные в израильском руководстве, вне зависимости от того, собиралась она покончить только с собой или намеревалась прихватить в свой последний путь еще целую толпу людей. Минут пять в комнате царила коллегиальная атмосфера, какая возникает, когда три здравомыслящих человека обсуждают интересный феномен.

Но потом тон разговора изменился.

– Что вы почувствовали? – спросил Доэрти.

– По какому поводу? – поинтересовался я.

– В тот момент, когда она выстрелила в себя?

– Обрадовался, что она не стала стрелять в меня.

– Мы – детективы из убийного отдела и обязаны расследовать все случаи насильственной смерти, – заявил Доэрти. – Вы ведь и сами понимаете? Это я так спрашиваю, на всякий случай.

– На какой случай? – спросил я.

– На случай, если данное дело окажется не совсем таким, каким кажется на первый взгляд.

– Не окажется. Женщина застрелилась.

– Это вы так говорите.

– Никто не скажет вам ничего другого, потому что все так и было.

– Всегда существуют альтернативные сценарии, – заметил Доэрти.

– Вы так думаете?

– Может быть, *вы* ее застрелили?

Тереза Ли с сочувствием посмотрела на меня.

– Я ее не убивал, – сказал я.

– Может быть, пистолет принадлежал вам, – продолжал Доэрти.

– Он мне не принадлежал. Пистолет весит два фунта, а у меня даже нет сумки.

– Вы крупный мужчина, у вас брюки большого размера с большими карманами.

Тереза Ли снова взглянула на меня с сочувствием, словно хотела сказать: «Мне очень жаль».

– И как это все называется? – спросил я. – Хороший коп и глупый коп?

– Вы считаете меня дураком? – спросил Доэрти.

– Ну, вы только что это доказали. Если бы я застрелил ее из «ругера» калибра.357, у меня до самых локтей остались бы улики, но вы стояли за дверью туалета, пока я мыл руки. Вы не сняли мои отпечатки пальцев и не зачитали «правило Миранды»¹¹. Вы стреляете в воздух.

– Мы обязаны все проверить.

– А что говорит патологоанатом?

– Результатов еще нет.

– Там были свидетели.

– Вы закрывали обзор спиной. К тому же они не смотрели в вашу сторону, дремали, и никто почти не говорит по-английски. Проку от них не много. Да и вообще, у меня сложилось впечатление, что они хотели поскорее от нас отделаться, пока мы не начали проверять их грин-карты.

– А как насчет другого мужчины? Он находился передо мной, не спал и производил впечатление гражданина Америки и человека, говорящего по-английски.

– Какого мужчины?

– Пятого пассажира, он был в футболке поло и в хлопчатобумажных брюках.

Ли открыла папку и покачала головой.

– В вагоне ехало четыре человека плюс женщина, которая погибла.

¹¹ «Правило Миранды» – юридическое требование в Соединенных Штатах Америки, согласно которому перед допросом подозреваемый в совершении преступления должен быть уведомлен о своих правах. Названо по фамилии преступника-рецидивиста, сыгравшего важную роль в становлении этого правила.

Глава 09

Ли достала из папки листок бумаги, перевернула его и подтолкнула на середину стола. Оказалось, что это написанный от руки список пассажиров. Четыре имени: мое, а также Родригес, Фрлуйлов и Мбеле.

– Четыре пассажира, – повторила она.

– Я находился в поезде и умею считать, – возразил я. – Мне совершенно точно известно, сколько пассажиров сидело в вагоне.

Я прокрутил всю сцену в голове: я вышел из поезда и остался стоять в собирающейся толпе. Потом появились парамедики, из поезда начали по очереди выходить копы, они прошли через толпу, отыскивали каждый по свидетелю, взяли их под локти и повели в отдельные комнаты. Меня первым схватил крупный сержант и потащил за собой. Так что сказать наверняка, сколько полицейских последовало за нами, четверо или трое, я не мог.

– Наверное, он сбежал, – предположил я.

– А что он собой представлял? – спросил Доэрти.

– Обычный мужчина. Держался настороже, но ничего особенного. Моего возраста, не бедный.

– Он входил в контакт с погибшей женщиной?

– Я не видел.

– Он ее застрелил?

– Она сама застрелилась.

– Значит, он не хотел светиться в качестве свидетеля, – пожал плечами, заявил Доэрти. – Ему было не нужно, чтобы появилось документальное подтверждение того, что он где-то болтался в два часа ночи. Возможно, он изменяет жене. Такое случается постоянно.

– Он сбежал, но вы считаете, что он не стоит вашего внимания, зато привязались ко мне.

– Вы только что сказали, что он не имеет к убийству никакого отношения.

– Я тоже не имею.

– Это вы так говорите.

– Получается, вы поверили мне насчет того типа, но не хотите верить, когда я говорю, что никаким боком не замешан в этом деле.

– Ну и зачем вам врать насчет того мужчины?

– Все это пустая трата времени, – сказал я.

На самом деле так оно и было. Причем они так старательно и так неуклюже тянули время, что я догадался – это все подстроено. И еще я понял, что на самом деле Ли и Доэрти по-своему оказывают мне услугу.

«Значит, тут все совсем не так просто», – подумал я.

– Кем она была? – спросил я.

– А с какой стати она должна кем-то быть? – поинтересовался Доэрти.

– Вы ее идентифицировали, и компьютеры засияли, точно рождественские елки. Кто-то позвонил вам и приказал подержать меня здесь до их приезда. Вы не хотите вносить запись об аресте в мое досье, поэтому и устроили идиотский спектакль.

– В общем, нас ваше досье абсолютно не волнует, нам просто неохота заниматься бумагами.

– Так кем она была?

– Очевидно, она работала на правительство. Сюда едут представители федерального агентства – мы не имеем права говорить какого, – чтобы вас допросить.

Они оставили меня в комнате для допросов и заперли за собой дверь. Отличное было местечко – грязное, выдавшее виды, без окон, с давно устаревшими плакатами на стенах, призывавшими бороться с преступностью, и запахом пота, страха и переваренного кофе в воздухе. Здесь стояли стол и три стула – два для детективов и один для подозреваемого. Вполне возможно, что в прежние времена подозреваемых тут били, да так, что они падали со стульев. Кто знает, может, и сейчас ничего не изменилось. Трудно сказать, что происходит в комнате, где нет окон.

Я мысленно прикинул время ожидания. С тех пор как Тереза Ли о чем-то шепотом разговаривала в коридоре станции метро, прошел час. Отсюда я сделал вывод, что ко мне явится не ФБР. Их офис в Нью-Йорке, самый крупный в стране, находится на Федерал-Плаза, около здания муниципалитета. Им потребовалось бы десять минут, чтобы среагировать на сообщение, еще десять – собрать отряд, и десять, чтобы примчаться с сиренами и мигалками на окраину города. Значит, парни из ФБР давно уже были бы здесь. Оставалась еще целая куча трехбуквенных агентств, но я мог бы побиться об заклад, что сюда едут ребяташки, на значках у которых непременно имеются буквы «РУ». ЦРУ или РУМО¹². Возможно, они представляют какие-то недавно появившиеся на свет и, следовательно, не слишком известные конторы. Наводить на людей панику посреди ночи – это очень в их духе.

Когда за первым часом прошел второй, я решил, что они едут из самого Вашингтона. Значит, речь идет о каком-то небольшом подразделении, которое специализируется на определенных вещах. У всех остальных имелись поблизости собственные представительства. Я перестал ломать голову, отодвинул назад стул, положил ноги на стол и заснул.

Я так до конца и не понял, кто они такие, – по крайней мере, тогда. Они отказались мне это сообщить. В пять утра в комнату вошли трое мужчин и разбудили меня. Они держались вежливо и деловито. На них были не дорогие, но и не дешевые костюмы, чистые и отутюженные, и начищенные до блеска ботинки. Я отметил про себя свежие короткие стрижки, красные лица и коренастые тела в отличной физической форме. Судя по их виду, они могли без особых проблем, но и без удовольствия пробежать половину марафонской дистанции. На первый взгляд мужчины производили впечатление военных, недавно уволившихся из армии, штабных офицеров, которых хедхантеры¹³ заманили в какое-то здание из известняка внутри радиальных линий вашингтонского метро. Из тех, кто искренне верит в то, что они занимаются важными делами. Я попросил их предъявить удостоверения личности и значки, но они в ответ процитировали мне Патриотический акт¹⁴ и заявили, что не обязаны представляться. Наверное, так и было, но я видел, что они испытали истинное наслаждение, когда говорили это.

В отместку я собрался заткнуться и не отвечать на их вопросы, но они заметили, что я обдумываю такую возможность, и процитировали еще один отрывок из Акта, давая мне понять, что на этой дороге меня ждет огромная куча неприятностей. Я мало чего боюсь, но твердо знаю, что связываться с нынешними представителями служб безопасности не стоит. Франц Кафка и Джордж Оруэлл дали бы мне точно такой же совет. Поэтому я пожал плечами и сказал, что готов ответить на их вопросы.

Для начала они сообщили мне, что им известно про мою службу в армии и они испытывают ко мне огромное уважение, что было либо дерьмовым и ничего не значащим клише, либо они сами раньше служили в военной полиции, потому что никто не уважает представи-

¹² Разведывательное управление Министерства обороны США (РУМО) занимается военно-стратегической разведкой, сбором и анализом информации для министра обороны.

¹³ Хедхантер (*букв.* охотник за головами, *англ.* headhunter) – человек, который по заказу работодателей ищет нужных им специалистов.

¹⁴ Патриотический акт – федеральный закон, принятый в США в октябре 2001 года, который давал правительству и полиции широкие полномочия по надзору за гражданами. Принят после террористического акта 11 сентября 2001 года.

телей ВП, кроме своих. Затем они заявили, что будут очень внимательно за мной наблюдать и узнают, говорю я правду или вру. Однако я ни секунды не сомневался, что это чушь собачья, поскольку только лучшие из нас на такое способны. А они к данной категории не относились, иначе занимали бы очень высокие посты и сейчас спали у себя дома где-нибудь в пригороде в Вирджинии, а не носились посреди ночи по I-95.

Но мне было нечего скрывать, поэтому я повторил, что готов ответить на их вопросы.

Их беспокоили три вещи. Первое: знал ли я женщину, которая застрелилась в поезде, и видел ли ее раньше?

Я ответил отрицательно, коротко и вежливо, спокойно, но твердо.

Они не стали задавать мне дополнительные вопросы, и я примерно понял, кто они такие и что делают. Они входили в чью-то команду Б, и их отправили на север, чтобы завести в тупик начатое расследование. Они строили вокруг него барьеры, хоронили и проводили черту под тем, что кто-то мог только смутно заподозрить. Они хотели получить отрицательные ответы на все свои вопросы, чтобы закрыть дело окончательно и бесповоротно. Причем так, чтобы не осталось никаких болтающихся концов. Кроме того, смерть женщины не должна была выглядеть как серьезное событие и привлечь внимание общественности. В их задачу входило отправиться в обратный путь с твердой уверенностью, что все забыли о происшествии в метро.

Второй вопрос звучал так: «Знаком ли я с женщиной по имени Лиля Хос?»

Я ответил, что незнаком, потому что так и было – тогда.

Третий вопрос скорее походил на длинный диалог. Его начал агент, который возглавлял группу; он был немного старше и ниже ростом других двоих. Возможно, и немного умнее.

– Вы подошли к женщине, которая ехала в поезде метро.

Я не стал ничего говорить, поскольку в мою задачу входило отвечать на вопросы, а не комментировать утвердительные предложения.

– Как близко вы к ней подошли? – спросил агент.

– Я остановился примерно в шести футах, – ответил я.

– Достаточно близко, чтобы к ней прикоснуться?

– Нет.

– Если бы вы вытянули руку и она протянула вам свою, вы могли бы дотронуться друг до друга?

– Возможно, – сказал я.

– Ответ «да» или «нет»?

– Ответ «возможно». Я знаю, какой длины у меня руки. Но у меня нет такой информации касательно нее.

– Она вам что-нибудь передала?

– Нет.

– Вы взяли у нее что-нибудь?

– Нет.

– Вы взяли что-нибудь с ее тела после того, как она умерла?

– Нет.

– А кто-то другой?

– Я ничего такого не видел.

– Вы не заметили, не выпало ли что-нибудь из ее руки, сумки или одежды?

– Нет.

– Она вам что-нибудь сказала?

– Ничего существенного.

– Она разговаривала с кем-то еще?

– Нет.

– Вы не могли бы достать все, что у вас лежит в карманах? – попросил он.

Я пожал плечами, потому что мне было нечего скрывать, и по очереди выложил содержимое своих карманов на ободранный стол. Свернутые в трубочку бумажные деньги и несколько монет, просроченный паспорт, карточку банкомата, складную зубную щетку и карточку метро, по которой я туда вошел. И визитку Терезы Ли.

Старший агент повозил мои вещи по столу пальцем и кивнул одному из своих подчиненных, который подошел ко мне и обыскал. Получилось у него не слишком профессионально, он ничего не нашел и покачал головой.

– Спасибо, мистер Ричер, – сказал главный.

И они убрались восвояси, все трое, так же быстро, как и появились. Я слегка удивился, но остался вполне доволен. Разложил свои вещи обратно по карманам, дождался, когда они дойдут до конца коридора, и вышел из комнаты допросов. Повсюду царила тишина. Я увидел Терезу Ли, которая сидела за письменным столом и ничего не делала, и ее напарника Доэрти; он вел потрепанного мужчину среднего роста, лет сорока, через общую комнату в крошечное квадратное помещение в дальнем конце. Мужчина был в мятой футболке и красных спортивных штанах. Он явно ушел из дома не причесавшись, потому что его седые волосы торчали в разные стороны. Тереза Ли заметила, что я на него смотрю, и сказала:

– Родственник.

– Той женщины?

Ли кивнула.

– У нее в бумажнике лежала записка с телефоном и прочими сведениями. Это ее брат. Он сам полицейский. В маленьком городке в Нью-Джерси. Он сразу приехал, как только мы с ним связались.

– Бедняга.

– Да уж. Мы не стали просить его опознать труп. Она слишком обезображена. А ему сказали, что потребуется закрытый гроб. Он все понял.

– Но вы уверены, что это действительно она?

Ли снова кивнула.

– Отпечатки пальцев.

– И кем она была?

– Я не имею права отвечать на этот вопрос.

– Вы со мной закончили?

– Федералы все спросили, что хотели?

– Видимо, да.

– Тогда мы с вами закончили, можете идти.

Я дошел до верхней ступеньки, когда она крикнула мне вслед:

– На самом деле я не считаю, что вы подтолкнули ее к самоубийству.

– Считаете, и, возможно, вы правы, – ответил я.

Я вышел на улицу, где царила предрассветная прохлада, повернул налево на Тридцать пятой улице и зашагал на восток. «Мы с вами закончили». Но она ошиблась. На углу меня дожидались четыре типа, которые явно хотели со мной побеседовать; похожие на предыдущих, но не федеральные агенты. У них были слишком дорогие костюмы.

Глава 10

Мир повсюду представляет собой джунгли, но Нью-Йорк – это джунгли в чистом виде. То, что в других местах полезно, в большом городе жизненно необходимо. Если ты видишь на углу четверых типов, которые поджидают тебя, ты либо, не раздумывая, бежишь со всех ног в противоположную сторону, либо продолжаешь идти, не замедляя и не ускоряя шага. Ты смотришь вперед с деланой безучастностью, потом бросаешь взгляд на их лица и отворачиваешься, как будто хочешь сказать: «И это все, что у вас есть?»

По правде говоря, умнее броситься бежать. Лучшая драка – та, в которой ты не участвуешь. Но я никогда не утверждал, что отличаюсь большим умом. Я упрям и иногда бываю вспыльчивым. Некоторые в такой ситуации пинают кошек, а я продолжаю шагать вперед.

Темно-синие костюмы выглядели так, будто их купили в магазине с вывеской, на которой написано иностранное имя. Парни в них явно знали свое дело – вроде тех, кто обычно занимается небоевыми операциями. Они отлично разбирались в устройстве мира и гордились своей способностью добиваться положительных для себя результатов. Не вызывало сомнений, что они раньше служили в армии или в полиции, возможно, и то и другое. Иными словами, относились к категории военных, сделавших шаг вверх с точки зрения зарплаты и шаг в сторону в том, что касается правил и ограничений, и считавших оба этих шага одинаково ценными.

Они разделились на две пары, когда я находился совсем близко, предоставляя мне возможность пройти мимо, если я захочу, но тот, что стоял впереди слева, слегка поднял обе ладони и как будто похлопал ими воздух, пытаясь сказать мне сразу две вещи: «Пожалуйста, остановись» и «Мы не сделаем тебе ничего плохого». Весь следующий шаг я решал, как мне поступить, твердо зная, что оказаться между четырьмя крепкими парнями будет не совсем правильно. В такой ситуации следует либо остановиться, не доходя до них, либо на всей скорости промчаться насквозь. Пока еще оба варианта оставались вполне осуществимыми. Я мог идти дальше, а мог и не идти. Если они сомкнут ряды в тот момент, когда я буду находиться в движении, они попадают на землю, точно кегли в боулинге. Я вешу двести пятьдесят фунтов и шел со скоростью сорок миль в час. Они весили меньше и стояли на месте.

Через два моих шага тот из них, что находился впереди, спросил:

– Мы можем поговорить?

Я остановился и поинтересовался:

– О чем?

– Вы ведь свидетель?

– А вы кто такие?

В ответ он распахнул полу пиджака, но проделал это медленно и не угрожающе, и я увидел только красную шелковую подкладку и рубашку и ничего похожего на пистолет, кобуру или ремень. Он засунул пальцы правой руки в левый внутренний карман и достал оттуда визитку. Потом потянулся вперед и вручил ее мне. Она оказалась настоящей дешевкой. Первая строчка гласила: «Корпорация «Точно и надежно». Я перевел глаза ниже и прочитал: «Охрана, расследования, посредничество». На третьей строчке был напечатан телефон с кодом зоны 212. Манхэттен.

– «Кинкос»¹⁵ – замечательное место, – сказал я. – Может, я тоже закажу пару визиток, где будет написано, что я Джон Смит, Король всего мира.

– Визитки абсолютно настоящие, – заявил тип в синем костюме. – И мы тоже.

– На кого вы работаете?

¹⁵ Корпорация «Федерал экспресс» прежде называлась «ФедЭкс Кинкос», а еще раньше просто «Кинкос» – сеть магазинов, которые обеспечивают доставку корреспонденции, а также услуги по печати, копированию и переплету.

- Мы не имеем права открывать его имя.
 - Тогда я ничем не смогу вам помочь.
 - Будет лучше, если вы поговорите с нами, чем с нашим работодателем. Мы будем вести себя цивилизованно.
 - Вот теперь вы меня напугали.
 - Всего пара вопросов. Больше ничего не потребуется. Помогите нам. Мы, как и вы, работаем с утра до ночи, чтобы получать свою зарплату.
 - Я не работаю с утра до ночи. Я бездельник.
 - Тогда посмотрите на нас с высоты своего положения и пожалейте бедных трудяг.
 - Какие вопросы вас интересуют?
 - Она вам что-то передала?
 - Кто?
 - Вы знаете кто. Вы взяли у нее что-нибудь?
 - Дальше. Давайте следующий вопрос.
 - Она что-нибудь говорила?
 - Она много говорила. Всю дорогу, от Бликер до Центрального вокзала.
 - И что она говорила?
 - Я не так чтобы слышал.
 - Какая-то информация?
 - Я не слышал.
 - Она называла имена?
 - Возможно.
 - Имя Лили Хос звучало?
 - Я не слышал.
 - Имя Джона Сэнсома?
- Я ничего не ответил, и тип в синем костюме спросил:
- Что?
 - Я откуда-то знаю это имя, – ответил я.
 - От нее?
 - Нет.
 - Она вам ничего не передавала?
 - Например, что?
 - Все, что угодно.
 - Расскажите мне, какое это имеет значение?
 - Человек, на которого мы работаем, хочет знать.
 - Тогда пусть сам у меня и спросит.
 - Лучше поговорите с нами.

Я улыбнулся и пошел прочь по коридору между ними. Но один из парней справа сдвинулся в сторону и попробовал оттеснить меня назад. Я врезался ему плечом в грудь и убрал его с дороги. Он снова попытался меня задержать, тогда я остановился, сделал ложный выпад влево, потом вправо, шагнул ему за спину, с силой его толкнул, и он оказался передо мной. Я заметил, что у него пиджак с одним разрезом посередине, как принято у французов. Англичане любят двойные разрезы по бокам, а итальянцы вообще предпочитают их не делать. Я наклонился, схватил в каждую руку по фалде, дернул и разорвал шов вдоль всей спины. Затем снова пихнул его, и он отлетел вперед и вправо. Пиджак держался на одном воротнике, не застегнутый спереди и разодранный сзади, похожий на больничный халат.

Я пробежал три шага, остановился и повернулся к ним. Гораздо эффективнее, хотя и намного глупее, было бы просто уйти медленным шагом. Беззаботность – это, конечно, хорошо, но все-таки лучше быть ко всему готовым. Вся дружная четверка оказалась в поло-

жении, когда они не могли решить, что им делать. Я не сомневался, что они очень хотели до меня добраться, но дело происходило на Тридцать пятой улице на рассвете. В это время здесь ездят только полицейские машины. Так что в конце концов они наградили меня злобными взглядами и отступили. Потом перешли улицу, выстроившись в линию друг за другом, и свернули на углу на юг.

«Мы с вами закончили».

Но это было не так. Я повернулся, собираясь идти дальше своей дорогой, когда из здания участка выскочил мужчина и бросился вслед за мной. Взглянув на мятую футболку, красные спортивные штаны и торчащие в разные стороны седые волосы, я его вспомнил – это был родственник, точнее, брат застрелившейся женщины. Коп из маленького городка в Нью-Джерси. Он поравнялся со мной, вцепился в мой локоть железной хваткой и сказал, что видел меня в участке и догадался, что я свидетель. А потом сообщил, что его сестра не совершала самоубийства.

Глава 11

Я отвел его в кафетерий на Восьмой авеню. Много лет назад меня отправили на однодневный семинар, который проводили для представителей военной полиции в Форт-Ракере, где нас обучали деликатному поведению с теми, кто недавно потерял родных. Иногда военным полицейским приходится сообщать плохие новости. Мы называли их вестниками смерти. Мои умения в данной области оставляли желать много лучшего. Я входил в дом и просто говорил, что произошло, поскольку считал, что такова природа этого известия. Но, видимо, я все понимал неправильно, потому что меня послали в Ракер. Я многому там научился, и среди прочего – относиться к чувствам серьезно. Кроме того, я узнал, что кафетерии и кафе являются самыми лучшими местами для этих целей. Присутствие других людей сокращает вероятность истерики, а процесс заказа, ожидания и необходимости пить или есть что-то разбивает поток информации таким образом, что его становится легче осознать.

Мы сели в кабинку около зеркала. Это тоже помогает. Вы можете смотреть друг на друга в зеркало. Получается, что вы сидите лицом к лицу, но не совсем в реальности. Половина мест в кафетерии была занята копами из ближайшего участка и водителями такси, которые возвращались в свои парки в Вестсайде. Я проголодался, но не собирался ничего заказывать, если мой спутник откажется. Это выглядело бы неуважительно по отношению к нему. Он сказал, что не хочет есть. Я сидел молча и ждал. Психологи из Ракера учили нас, что людям, потерявшим близких, нужно дать возможность заговорить первыми.

Он сказал, что его зовут Джейкоб Марк, но во времена его деда они были Маркакисами, однако тогда греческое имя ничего не значило, если его обладатель не работал в ресторанном бизнесе. Дед занимался строительством и поэтому изменил фамилию. Джейкоб Марк предложил мне называть его Джейк; я сказал, что он может звать меня Ричер. Джейк сообщил мне, что он полицейский, не женат и живет один, а я – что был копом, только военным, и тоже не женат. В Ракере нас учили, что в подобной ситуации необходимо обязательно найти что-то общее, объединяющее того, кто узнал о смерти близкого человека, и вестника смерти.

Вблизи и если не обращать внимания на не слишком аккуратный внешний вид, Джейк был вполне нормальным парнем, с обычной для копа многолетней усталостью на лице, под которой прятался сельский житель. Под руководством другого школьного психолога он мог бы стать учителем естественных наук, дантистом или продавцом запчастей для машин. В сорок с небольшим он уже поседел, но лицо оставалось молодым и без морщин. Темные глаза казались слишком широко раскрытыми, но это временно. Несколько часов назад, когда Джейк ложился спать, он, вероятно, был красивым мужчиной. Мне он сразу понравился, и я ему посочувствовал.

Он набрал побольше воздуха и рассказал, что его сестру звали Сюзан Марк. Одно время она была Сюзан Молина, но давно развелась и взяла назад девичью фамилию. Сейчас она живет одна. Джейк говорил о ней в настоящем времени, и я понял, что ему предстоит пройти длинный путь до того момента, когда он примет случившееся.

– Она не могла себя убить, такое просто невозможно, – сказал он.

– Джейк, я там находился, – возразил я.

Официантка принесла нам кофе, и мы несколько секунд молча его пили. Убивали время, давая возможность реальности поглубже пустить корни в его сознании. Психологи из Ракера уверенно твердили, что у людей, неожиданно потерявших родных, коэффициент умственного развития как у лабрадора. Грубо, потому что они военные, но точно, потому что они психологи.

– Так расскажи мне, что произошло, – попросил Джейк.

– Где ты живешь? – спросил я.

Джейк назвал маленький городок в северной части Нью-Джерси, в самом сердце пригородов, где полно мамаш, занимающихся только детьми, процветающий, безопасный, спокойный, откуда многие ездят на работу в Нью-Йорк. Он сказал, что полицейский департамент хорошо финансируется и оборудован, но народу не хватает. Я спросил, есть ли у них копия израильского руководства, и он ответил, что после гибели Башен-близнецов все полицейские управления в стране оказались погребенными под горами копий этого руководства и каждому офицеру вменялось выучить его наизусть.

– Твоя сестра вела себя очень странно, Джейк, – сказал я. – Ее поведение соответствовало всем пунктам руководства. Она была похожа на террористку-смертницу.

– Дерьмо собачье, – возмутился Джейк, как и полагается любящему брату.

– Теперь уже ясно, что она не была террористкой, – сказал я, – но ты бы на моем месте подумал то же самое. С твоей подготовкой иначе просто не могло быть.

– Получается, что руководство больше относится к самоубийству, чем к взрыву бомбы.

– Похоже, что так.

– Она не была несчастливым человеком.

– Наверное, все-таки была.

Он ничего мне не ответил, и мы еще некоторое время пили кофе маленькими глоточками. Посетители приходили и уходили, платили по счетам, оставляли чаевые, на Восьмой появились машины.

– Расскажи мне о ней, – попросил я.

– Из какого пистолета она стреляла? – спросил он.

– Из старого «Ругера Спид-Сикс».

– Он принадлежал нашему отцу, Сюзан получила его в наследство.

– Где она жила? Здесь, в городе?

Джейк покачал головой.

– В Аннандейле, в Вирджинии.

– Ты знал, что она сюда приехала?

Он снова отрицательно покачал головой.

– Что она тут делала?

– Не знаю.

– Почему она была в зимней куртке?

– Не знаю.

– Со мной разговаривали федеральные агенты и задавали вопросы. Потом, перед тем как ты меня окликнул, остановили какие-то парни из частного бюро. Все они спрашивали про женщину по имени Лиля Хос. Ты когда-нибудь слышал о ней от сестры?

– Нет.

– А как насчет Джона Сэнсома?

– Он конгрессмен из Северной Каролины. Хочет стать сенатором. Крепкий орешек.

Я кивнул, потому что вспомнил, где слышал это имя. Сезон выборов набирал обороты, и я видел статьи в газетах и передачу по телевизору. Сэнсом недавно появился в политике, но сразу стал восходящей звездой. Его представляли жестким и бескомпромиссным. И очень амбициозным. Некоторое время он успешно занимался бизнесом, а перед этим отличился в армии. Сэнсом намекал на выдающуюся карьеру в частях особого назначения, но без подробностей. Как раз то, что требуется в подобной ситуации, потому что большинство операций частей особого назначения являются секретными или их можно таковыми назвать.

– Твоя сестра когда-нибудь упоминала Сэнсома? – спросил я.

– Кажется, нет, – ответил он.

– Она его знала?

– Трудно представить, как она могла с ним познакомиться.

– Чем она зарабатывала на жизнь?
Джейк отказался ответить на мой вопрос.

Глава 12

Впрочем, в этом не было необходимости; я знал достаточно, чтобы и самому догадаться. Отпечатки пальцев Сьюзан Марк имелись в базе данных; на моем горизонте тут же появились трое блестящих штабных офицеров в отставке, которые, задав мне свои вопросы, мгновенно испарились... Получалось, что она работала на военных, но занимала не слишком высокое положение. И жила в Аннандейле, в Вирджинии. Если я все правильно помню, это к юго-западу от Арлингтона. Возможно, с тех пор, как я там побывал, все изменилось, но с другой стороны, могло и остаться как прежде – приятным для жизни местом, откуда к тому же легко добираться до самого большого офисного здания, по прямой по 244-му шоссе.

– Твоя сестра работала в Пентагоне, – сказал я.

– Она не имела права говорить о своей работе, – ответил Джейк.

– Если бы она на самом деле была секретной, Сьюзан сказала бы тебе, что работает в «Уолл-марте»¹⁶, – покачав головой, возразил я.

Он ничего не ответил, и я добавил:

– Одно время я служил в Пентагоне и хорошо его знаю, можешь меня проверить.

Он мгновение молчал, потом пожал плечами и сказал:

– Сьюзан была гражданским клерком, но с ее слов выходило, будто у нее потрясающая работа. Она входила в группу КУЛСАСША, но почти ничего мне не рассказывала, давая понять, что это секретная информация. Теперь, после Башен-близнецов, люди стали гораздо меньше говорить.

– Это не группа, а человек, – сказал я. – КУЛСАСША означает «Командующий Управлением личного состава армии США». Ничего потрясающего, обычный отдел кадров, бумажная работа и учетные карточки.

Джейк не ответил, и мне показалось, что я его обидел, приуменьшив значимость карьеры его сестры. Наверное, семинары в Ракере не пошли мне на пользу. Может быть, следовало внимательнее слушать психологов. Молчание слишком затянулось и стало неловким, и потому я спросил:

– Она вообще тебе что-нибудь рассказывала про свою работу?

– Не особенно. Возможно, и рассказывать было нечего, – проговорил он с налетом горечи в голосе, как будто его сестру поймали на вранье.

– Люди любят приукрашивать вещи, Джейк, – попытался утешить его я. – Такова природа человека. И, как правило, в этом нет никакого вреда. Может быть, дело в соперничестве, ты ведь коп, и она хотела, чтобы ее работа тоже выглядела значимой.

– Мы не были близки.

– И тем не менее вы являлись членами одной семьи.

– Наверное.

– Сьюзан нравилась ее работа?

– Мне казалось, что да. И, похоже, она ей подходила. Сьюзан обладала всеми необходимыми качествами для работы с учетными карточками – хорошая память, старательная, очень организованная. А еще она отлично владела компьютером.

Между нами снова повисло молчание, и я вернулся к своим размышлениям про Аннандейл. Приятный, но непримечательный городок, куда люди возвращаются после рабочего дня, чтобы переночевать. В данных обстоятельствах он имел всего одну важную характеристику: находится довольно далеко от Нью-Йорка.

«Она не была несчастливой человеком».

¹⁶ Сеть универсальных магазинов, торгующих по ценам ниже средних.

- Что? – спросил Джейк.
- Ничего. Это не мое дело, – ответил я.
- И все равно, что?
- Я просто размышляю.
- О чем?
- «Если данное дело окажется не совсем таким, каким кажется на первый взгляд».
- Как давно ты в полиции?
- Восемнадцать лет.
- И все время в одном месте?
- Я проходил подготовку в школе патрульных, потом получил назначение в Джерси. Как в фарм-клубе¹⁷.
- У вас случается много самоубийств?
- Наверное, одно или два в год.
- Кто-нибудь предвидел, что они произойдут?
- В общем, нет. Обычно они оказываются огромной неожиданностью.
- Как то, что сделала твоя сестра.
- Совершенно верно.
- Однако за каждым из них стоит какая-то причина.
- Всегда. Финансовая, сексуальная, какое-то дерьмо, которое вот-вот свалится на голову...
- Значит, у твоей сестры тоже имелась причина покончить с собой.
- Я понятия не имею какая.
- Я снова задумался.
- Давай выкладывай. Просто скажи мне, о чем ты думаешь.
- Это не входит в мою компетенцию.
- Ты же был копом и замечаешь детали, – возразил Джейк.
- Наверное, семь из десяти самоубийств, которые ты видел, совершены дома, – кивнув, ответил я. – В трех случаях будущие жертвы доезжали до какого-нибудь переулка и там сводили счеты с жизнью.
- Более или менее так.
- Но это всегда знакомое место, тихое и уединенное. И определенное. Будущий самоубийца едет туда, собирается с духом и совершает задуманное.
- И что?
- А то, что я никогда не слышал про самоубийцу, который уехал на сотни миль от дома и покончил с собой в дороге.
- Я же тебе говорил.
- Ты сказал, что твоя сестра не убивала себя. Но я видел собственными глазами, как она это сделала. Я пытаюсь объяснить, что твоя сестра свела счеты с жизнью очень нетрадиционным способом. По правде говоря, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь покончил с собой в вагоне метро. Под ним – да, но не внутри. Тебе известен хоть один случай самоубийства в общественном транспорте, да еще когда он движется?
- И что? – повторил он.
- И ничего. Я всего лишь задал вопрос.
- Почему?

¹⁷ Фарм-клуб – команда (как правило, в игровом виде спорта), являющаяся «резервной» для основного клуба. Фарм-клубы часто используются для «обкатки» молодых игроков и для получения игровой практики спортсменами, не проходящими в основной состав и вынужденными из-за этого сидеть на скамейке запасных.

– Потому что. Думай как коп, Джейк; на время забудь, что погибла твоя сестра. Что вы делаете, когда что-нибудь сильно отличается от обычной схемы?

– Копаем глубже.

– Вот и копай.

– Это ее не вернет.

– Но понимание того, что произошло, сильно помогает.

Этому принципу нас тоже научили в Форт-Ракере. Но не на занятиях психологией.

Я налил себе еще кофе, а Джейкоб Марк вертел в руках пакетик с сахаром, и тот пересыпался из одного конца бумажного прямоугольничка в другой, как в песочных часах. Я видел, что голова у него работает, как у копа, но сердце болит, как у брата. И все это было написано у него на лице.

«Копаем глубже... Это ее не вернет...»

– Что еще? – спросил он.

– В вагоне ехал пассажир, который сбежал, прежде чем до него добрались полицейские.

– Кто?

– Обычный мужчина. Копы решили, что он, скорее всего, не хотел, чтобы его имя попало в официальные бумаги. Они предположили, что он изменяет жене.

– Такое может быть.

– Да, может, – не стал спорить я.

– И что?

– Федералы и парни из частного агентства спрашивали меня, не передала ли мне что-нибудь твоя сестра.

– Например, что?

– Они не сказали.

– Федералы были из какого агентства?

– Они не сказали.

– А парни из частной конторы?

Я встал со скамейки и достал из заднего кармана визитку. Она была из дешевой бумаги и уже успела помяться и слегка испачкаться синим от моих джинсов, совсем новеньких, со свежей краской. Я положил визитку на стол, перевернул и подтолкнул к Джейку. Он внимательно ее прочитал, может быть, даже два раза. «Корпорация «Точно и надежно». Охрана, расследования, посредничество». И телефонный номер. Джейк достал мобильник и начал набирать номер. Сначала возникла пауза, потом прозвучали три короткие нотки и записанное на автоответчик сообщение. Джейк закрыл телефон и сказал:

– Не отвечает. Фальшивка.

Глава 13

Я заказал себе еще кофе, но Джейк смотрел на официантку таким взглядом, словно никогда в жизни не слышал о существовании в природе подобных особей. В конце концов она потеряла к нему интерес и отошла. Джейк подтолкнул ко мне визитку, я взял ее и убрал в карман.

– Мне все это не нравится, – сказал он.

– Мне тоже не нравится.

– Мы должны вернуться и поговорить с ребятами из полицейского управления.

– Она застрелилась, Джейк, и это главное. Больше они ничего не хотят знать. Им все равно, как, когда и почему.

– Им не должно быть все равно.

– Может быть, и так. Но им плевать. Как бы ты вел себя на их месте? Тебе было бы не все равно?

– Наверное, ты прав, – ответил он, и я увидел, как в его глазах появилось отсутствующее выражение.

Может быть, Джейк вспоминал свои старые дела. Большие дома, дороги с зелеными деревьями по обочинам и ведущие роскошную жизнь на деньги своих клиентов адвокаты, которые не в силах пережить позор, скандал и лишение лицензии. Или преподаватели и беременные студентки. А еще женатые мужчины с друзьями-геями в Челси или Вест-Виллидж. И местные копы, исполненные такта и грубоватого сочувствия, крупные мужики, вторгающиеся в аккуратные тихие жилища, чтобы осмотреть дом, где совершено самоубийство, и изучить все факты. Потом они составляют отчет, закрывают дело, забывают о нем, переходят к другому, и им совершенно все равно, как, где и почему.

– У тебя есть теория? – спросил Джейк.

– Еще слишком рано для теории, – ответил я. – Пока у нас имеются только факты.

– Какие?

– Пентагон не до конца доверял твоей сестре.

– Потрясающее заявление.

– Она находилась под наблюдением, Джейк. Наверняка. Как только всплыло ее имя, тут же появились федералы. Трое. Такова процедура.

– Но они быстро ушли.

– Это означает, что они не слишком сильно ее в чем-то подозревали. Они просто решили задать парочку вопросов для собственного спокойствия. Может быть, у них были кое-какие не слишком серьезные предположения, но они и сами в них не особенно верили. И пришли, чтобы окончательно поставить точку.

– Какие предположения?

– Касательно информации, – объяснил я. – Это единственное, что есть в Управлении личным составом.

– Они подозревали, что Сюзан передает кому-то информацию?

– Они хотели убедиться, что это не так.

– Значит, сначала они думали, что это так.

Я кивнул.

– Возможно, ее видели в кабинете, где ей было нечего делать, и она открывала картотечный шкаф, к которому не имела никакого отношения. Или у них что-то пропало, они не знали, за кем следить, и потому стали следить за всеми.

– О какой информации может идти речь?

– Понятия не имею.

– Вроде скопированных документов?

– Меньше, – сказал я. – Сложенной записки или компьютерного диска. То, что можно передать из рук в руки в вагоне метро.

– Сьюзан была патриоткой и любила свою страну. Она не стала бы делать ничего подобного.

– Она и не делала. Она никому ничего не передавала.

– Получается, у нас ничего нет.

– У нас есть тот факт, что твоя сестра находилась в сотнях миль от дома с заряженным пистолетом в сумке.

– И она чего-то боялась, – добавил Джейк.

– А еще она зачем-то надела зимнюю куртку, хотя на улице было около тридцати градусов тепла.

– Кроме того, не следует забывать про два имени, которые всплыли несколько раз, – сказал он. – Джон Сэнсом и Лиля Хос, уж не знаю, кто она такая, черт бы ее побрал. Но фамилия Хос звучит как-то по-иностранному.

– Как когда-то Маркакис.

Он снова погрузился в размышления, я пил кофе. Движение на Восьмой стало заметно медленнее – начинался утренний час пик. На небе, немного южнее востока, сияло солнце, его лучи падали не параллельно улице, а под небольшим углом, отбрасывая длинные диагональные тени.

– Дай мне что-нибудь для начала, – проговорил Джейк.

– Мы знаем недостаточно, – ответил я.

– Порассуждай.

– Я не могу. Придумать историю ничего не стоит, но в ней будет полно дыр. Да и вообще, где гарантия, что она окажется правильной?

– Попытайся. Дай мне какую-нибудь зацепку. Давай устроим что-то вроде мозгового штурма.

Я пожал плечами.

– Ты хоть раз встречался с кем-нибудь из парней из частей особого назначения?

– Ну, был знаком с двумя или тремя. Если считать ребят из Национальной гвардии, получится четыре или пять человек.

– Скорее всего, ты не знал ни одного. Большинство блестящих карьер в частях особого назначения – это чистейшей воды фикция. Они похожи на людей, которые утверждают, будто побывали в Вудстоке¹⁸. Если всем верить, получится, что там собралось десять миллионов человек. Или взять, например, жителей Нью-Йорка, видевших, как самолеты врезались в Башни. Послушать их, так они все стали свидетелями катастрофы, и никто не смотрел в этот момент в другую сторону. Короче, те, кто говорят, что они служили в частях особого назначения, обычно врут. Большинство из них так и оттрубили весь срок в пехоте. А некоторые и вовсе не были в армии. Люди любят приукрашивать вещи.

– Как моя сестра.

– Такова природа человека.

– К чему ты клонишь?

– Я оперирую тем, что у нас есть: два случайных имени, начало избирательного сезона и твоя сестра, которая работала в Управлении личным составом.

– Ты думаешь, Джон Сэнсом врет насчет своего прошлого?

¹⁸ Вудстокский фестиваль музыки и искусств – один из знаменитейших рок-событий в истории. Проходил 15–18 августа 1969 года на одной из ферм городка в сельской местности Бетел, штат Нью-Йорк, США. Число посетителей – около 500 тысяч, из них 1500 журналистов. Стал символом конца «эры хиппи».

– Возможно, и нет, – ответил я. – Но это та область, в которой преувеличения – не редкость. И всем известно, что политика – грязный бизнес. Можно не сомневаться, что прямо сейчас кто-то проверяет приемщика из химчистки, в которую Сэнсом сдавал свою одежду, чтобы выяснить, имелась ли у парня грин-карта. Короче говоря, большого ума не нужно, чтобы предположить, что огромное количество людей изучает его биографию, раскладывая ее на отдельные факты. Это у нас национальный спорт.

– Тогда, может быть, Лиля Хос журналистка или референт. Возможно, она работает на кабельном телевидении или на радио. Что-нибудь в таком роде.

– Или конкурирует с Сэнсомом.

– Только не с таким именем. И не в Северной Каролине.

– Хорошо, предположим, она журналистка или референт, решила нажать на кого-нибудь из служащих управления личным составом и выбрала твою сестру.

– И чем она ее взяла?

– Это первая большая дыра в нашей истории, – сказал я.

Сьюзан Марк была в отчаянии и очень сильно напугана. Я не мог представить, чтобы журналистка сумела найти в жизни простой служащей из Пентагона нечто такое, что привело бы ее в подобное состояние. Репортеры умеют манипулировать и убеждать, но никто их особенно не боится.

– Сьюзан интересовалась политикой? – спросил я.

– А что?

– Может быть, ей не нравился Сэнсом и то, что он представляет. И она сотрудничала с его противниками. Или даже вызвалась им помогать.

– Тогда чего она так боялась?

– Она нарушала закон и поэтому, наверное, была напугана до смерти, – объяснил я.

– Зачем она взяла пистолет?

– Она обычно носила его с собой?

– Никогда. Он достался ей в наследство, и она держала его в ящике с бельем, как делают все обычные люди.

Я снова пожал плечами. Пистолет представлял собой вторую громадную дыру в нашей истории. Люди достают оружие из ящиков для белья по самым разным причинам. Например, для защиты или, наоборот, нападения. Но никогда на случай, если им вдруг захочется свести счеты с жизнью, а они будут находиться далеко от дома.

– Сьюзан не особенно интересовалась политикой, – сказал Джейк.

– Хорошо.

– Значит, она не могла быть связана с Сэнсомом.

– Тогда почему всплыло его имя?

– Я не знаю.

– Сьюзан наверняка приехала на машине, – заметил я. – Она не смогла бы пронести пистолет в самолет. Скорее всего, ее машину сейчас везут на штрафную стоянку. Видимо, она проехала по Гудзонову тоннелю¹⁹ и припарковалась в направлении центра города.

Джейк молчал. Кофе у меня уже совсем остыл, но официантка перестала подходить, чтобы предложить нам еще. Мы были невыгодным столиком. Посетители в кафетерии поменялись уже дважды – люди спешили на работу, старались не терять времени и быстро заправлялись перед напряженным днем. Я представил, как двенадцать часов назад Сьюзан Марк готовилась к трудной ночи. Она оделась, нашла пистолет отца, зарядила его, спрятала в черную сумку. Потом села в машину, проехала по часовой стрелке по 236-й автостраде до развязки,

¹⁹ Гудзонов тоннель – первый в мире подводный тоннель для автомобилей. Находится в Нью-Йорке под рекой Гудзон.

возможно, заправила машину, выбралась на 95-ю и покатила на север, широко раскрытыми глазами, в которых застыло отчаяние, вглядываясь в темноту впереди.

«Порассуждай», – сказал Джейк. Неожиданно я понял, что не хочу рассуждать, потому что в голове у меня зазвучал голос детектива Терезы Ли. «Вы подтолкнули ее к самоубийству». Джейк заметил, что я задумался, и спросил:

– Что?

– Давай предположим, что на Сьюзан оказывали давление, используя какие-то рычаги, – ответил я. – И будем считать, что они были весьма серьезными. Тогда можно сделать вывод, что она ехала на встречу, чтобы передать информацию, которую ей велели раздобыть. Также допустим, что это плохие люди и Сьюзан не верила, что они выпустят ее из своих лап. Вероятно, она думала, что они поднимут ставки и потребуют, чтобы она продолжала на них работать. Она завязла и не видела способа выбраться из этой ситуации. Более того, она очень сильно их боялась. И потому находилась в отчаянии. Вот почему она взяла пистолет. Возможно, рассчитывала, что ей удастся от них отбиться, но не слишком надеялась на успех. В общем, она сомневалась, что все хорошо закончится.

– И что?

– У нее было какое-то дело, и она уже почти приехала на место. Сьюзан не собиралась стрелять в себя.

– А как же израильское руководство и поведенческие признаки?

– В данном случае они оказались такими же, как в руководстве, – сказал я. – Твоя сестра ехала в какое-то место, где, как она предполагала, кто-то ее убьет – возможно, каким-то другим способом, физически или фигурально.

Глава 14

– Но это не объясняет, зачем она надела теплую куртку, – возразил Джейкоб Марк.

Однако я считал, что как раз очень даже объясняет. А также то, что Сьюзан оставила машину и поехала дальше на метро. Я считал, что она надеялась подобраться к тому, с кем собиралась встретиться, неожиданно, из какого-то укрытия, с оружием в руках, вся в черном, готовая к сражению в темноте. Может быть, зимний пуховик был единственной черной курткой, которая имела у нее в распоряжении.

Кроме того, такое предположение объясняло и все остальное: ее страх и ожидание надвигающейся смерти. Вероятно, она тихонько шептала слова мольбы или оправдания либо приводила какие-то доводы или даже угрозы – вот почему у нее шевелились губы. Может быть, от того, что она повторяла свою речь снова и снова, та становилась для нее более убедительной и правдоподобной. И вселяла хоть какое-то спокойствие.

– Сьюзан не могла ехать, чтобы что-то передать, потому что у нее с собой ничего не было, – сказал Джейк.

– Возможно, было, в голове, – возразил я. – Ты сам сказал, что у нее была прекрасная память. Подразделения, даты, временные графики... не знаю, что им требовалось.

Он замер на месте и попытался придумать доводы, которые разбили бы мои предположения, но не смог.

– Секретная информация, – проговорил он. – Военные тайны. Господи, не могу поверить.

– На нее оказывали давление, Джейк.

– И все равно, я не понимаю, какие в Управлении человеческими ресурсами могут быть секреты, чтобы из-за них убили человека?

Я не ответил на его вопрос, потому что не имел ни малейшего представления. В мои времена УЧР называлось УЛС, Управление личным составом, а не человеческими ресурсами. Я прослужил тринадцать лет, не задумываясь о них ни на мгновение. Они занимались бумажной работой и личными делами. Вся интересная информация находилась в других местах.

Джейк поерзал на стуле, запустил пальцы в грязные волосы, потом прижал ладони к ушам и описал головой полный овал, словно пытался снять напряжение в шее, или изобразил внутреннюю бурю, которая, сделав круг, вернула его к самому главному вопросу.

– Тогда почему? Почему она застрелилась до того, как добралась до того места, куда ехала? – спросил он.

Я пару секунд собирался с мыслями. Со всех сторон нас окружали обычные звуки кафетерия: шорох подошв по линолеуму, стук посуды, новости, которые передавали по телевизорам, прикрепленным высоко на стенах, треньканье звонка, сообщавшего, что готовое блюдо можно забрать.

– Сьюзан нарушала закон, – сказал я наконец, – а также все свои профессиональные обязательства. Видимо, она подозревала, что за ней следят. Возможно, ее даже предупредили об этом. Она находилась в напряжении с того самого момента, как села в свою машину, постоянно смотрела в окно заднего вида, не появятся ли красные огоньки. Каждый коп на каждом въезде на платный участок дороги представлял собой опасность. Каждый мужчина в костюме, который попадался ей на глаза, мог оказаться федеральным агентом. В вагоне метро любой из нас в любую минуту мог встать и задержать ее.

Джейк молчал.

– И тут я к ней подошел, – сказал я.

– Что было дальше?

– Сьюзан не выдержала. Она решила, что я собираюсь ее арестовать, что прямо там и в этот момент игра закончена и для нее больше ничего не будет. Она провалилась. Она не могла

идти дальше и не могла вернуться назад. Сюзан оказалась в ловушке. Я не знаю, чем они ей грозили, но она не сомневалась, что их угрозы стали реальностью и она отправится в тюрьму.

– С чего она решила, что ты собираешься ее арестовать?

– Наверное, она подумала, что я коп.

– С какой стати она могла так подумать?

«Я полицейский, – сказал я. – И могу вам помочь. Давайте поговорим».

– Она была напугана, – ответил я. – По вполне понятным причинам.

– Ты похож не на копа, а на бродягу. Она скорее могла подумать, что ты пытаешься отобрать у нее мелочь.

– Может, она приняла меня за копа, работающего под прикрытием.

– Ты сказал, что Сюзан была клерком и имела дело с учетными карточками. Откуда ей знать, как выглядит коп под прикрытием?

– Мне очень жаль, Джейк, но я сказал ей, что я коп.

– Зачем?

– Я подумал, что она террористка, и пытался помешать нажать на кнопку. Я был готов на все, что угодно.

– Что именно ты ей сказал? – спросил он, и я повторил свои слова.

– Господи, это даже звучит так, будто имеет отношение к Министерству внутренних дел.

«Мне кажется, вы подтолкнули ее к самоубийству».

– Мне очень жаль, – повторил я.

В течение следующей пары минут я получал со всех сторон и по полной программе. Джейкоб Марк бросал на меня свирепые взгляды, потому что я убил его сестру, официантка злилась из-за того, что она могла подать примерно восемь завтраков за то время, что мы сидели с двумя чашками кофе. Я достал из кармана двадцать долларов и положил под свое блюдо – чаевые за восемь завтраков. Официантка это увидела, и проблема была решена. Но с Джейкобом Марком оказалось значительно труднее. Он весь ошетинился, не шевелился и не произносил ни слова. Я заметил, как он дважды посмотрел мимо меня, явно собираясь уйти.

– Мне пора, – наконец сказал он. – Я должен сообщить о том, что случилось, родным Сюзан.

– Родным? – переспросил я.

– Бывшему мужу Молине. И у них есть общий сын, Питер, мой племянник.

– У Сюзан был сын?

– А тебе-то что?

«Интеллект как у лабрадора».

– Джейк, мы сидим тут и обсуждаем рычаги давления на твою сестру, но тебе даже не пришлось в голову упомянуть про то, что у Сюзан был ребенок?

Джейк мгновение смотрел на меня, ничего не понимая, а потом заявил:

– Он не ребенок. Питеру двадцать два года, он на старшем курсе в Калифорнийском университете. Кроме того, играет в футбол. И вообще крупный парень, даже больше тебя. Питер не поддерживал с матерью близких отношений, он остался после развода с отцом.

– Позвони ему, – сказал я.

– В Калифорнии четыре утра.

– Позвони ему прямо сейчас.

– Я его разбужу.

– Очень надеюсь, что разбудишь.

– Его нужно подготовить к тому, что случилось.

– Сначала ему нужно будет ответить на твой звонок.

Джейк снова достал мобильный телефон, прошелся по адресной книге и нажал на зеленую кнопку, когда добрался почти до самого конца списка. Значит, имена у него записаны в алфавитном порядке, догадался я. Джейк держал телефон около уха, и к концу первых пяти гудков у него сделался слегка обеспокоенный вид, после шестого – больше. Он еще немного подождал, потом медленно опустил трубку и сказал:

– Голосовая почта.

Глава 15

– Отправляйся на работу, – сказал я. – Позвони в полицейский департамент Лос-Анджелеса или копам, которые присматривают за университетским кампусом, и попроси об услуге – как коллега коллеге. Пусть кто-нибудь съездит и проверит, дома ли твой племянник.

– Они поднимут меня на смех. Это всего лишь мальчишка-студент, который не отвечает на телефонный звонок в четыре утра.

– Сделай, как я говорю, – сказал я.

– Поедем вместе, – предложил Джейк.

– Я останусь здесь, хочу еще раз поговорить с ребятами из частного агентства, – покачав головой, ответил я.

– Тебе их в жизни не найти.

– Они сами меня отыщут. Я ведь не ответил на их вопрос, передала ли мне Сюзан что-нибудь. Уверен, они захотят задать его снова.

Мы договорились встретиться через пять часов в том же кафетерии. Джейк сел в свою машину, а я медленно отправился на юг по Восьмой, как будто мне было некуда особенно идти, что, впрочем, соответствовало действительности. Я устал после бессонной ночи, но выпитый кофе меня взбодрил, и в целом я чувствовал себя в боевой готовности и полным сил. Кроме того, я не сомневался, что парни из частного агентства тоже не ложились спать, и мы с ними находились в одинаковом положении. Размышляя о них, я задумался о временном факторе. Тогда, в вагоне, два часа ночи показались мне необычным выбором для теракта – таким же странным, как то, что Сюзан Марк ехала на встречу с кем-то, чтобы передать информацию, именно в такое время.

Я остановился около газетной стойки перед маленьким гастрономом и принялся листать газеты. И нашел то, что предполагал найти, на одной из страниц в середине «Дейли ньюс». Платная автомагистраль в Нью-Джерси накануне вечером была закрыта на четыре часа в северном направлении. В тумане с автоцистерной произошла авария, в результате разлилась кислота, много людей пострадало.

Я представил Сюзан Марк, которая оказалась в ловушке посреди дороги. Четырехчасовая пробка означала опоздание на четыре часа. Сначала удивление, потом нарастающее напряжение, нельзя вернуться назад, вперед дороги тоже нет. Она оказалась между молотом и наковальней; время уходило, постепенно приближая назначенный час, и вот он миновал. Угрозы, санкции и наказание стали неизбежной реальностью. Я думал, что поезд метро едет очень быстро, она же – что он ползет, как улитка. «Мне кажется, вы подтолкнули ее к самоубийству». Может, и так, только, по большому счету, Сюзан Марк не требовалось так уж сильно подталкивать.

Я сложил газету, чтобы та снова обрела презентабельный вид, вернул ее на стойку и пошел дальше. Наверняка тот тип, которому я порвал пиджак, отправился домой, чтобы переодеться, но трое других должны быть где-то поблизости. Они явно следили за тем, как я вошел в кафетерий и как вышел оттуда. Я их не видел, но и не старался обнаружить. Какой смысл что-то искать, если знаешь, что оно на месте.

В прежние времена Восьмая авеню была опасным районом – сломанные фонари, пустыри, магазины с закрытыми ставнями окнами, крэк, проститутки и грабители. Я видел тут много всего разного, но лично на меня никто ни разу не напал. Впрочем, чтобы превратить меня в потенциальную жертву, мировое население должно сократиться до двух человек: меня и грабителя, и победа осталась бы за мной. Сейчас Восьмая стала такой же безопасной, как и все остальные улицы. Здесь кипела коммерческая жизнь, и повсюду сновали люди. Поэтому я

не особенно беспокоился, где конкретно ко мне подойдут трое агентов, и не пытался увести их в удобное для себя место. Я просто шел, предоставив им сделать выбор. День из теплого постепенно становился жарким, и меня со всех сторон окружали запахи, поднимавшиеся с тротуаров. Это что-то вроде примитивного календаря: летом мусор воняет, зимой – нет.

Они подошли ко мне в квартале к югу от Мэдисон-сквер-гарден²⁰ и большого старого здания почты. На участке на углу велось строительство, и пешеходам приходилось идти по узкому огороженному проходу на обочине. Я прошел по нему ярд, когда передо мной вырос один из парней, другой остался за спиной, их главарь зашагал рядом. Прodelано все было очень уверенно и аккурatно.

- Мы готовы забыть про пиджак, – сказал главарь.
- Это хорошо, – ответил я, – потому что я уже забыл.
- Но мы хотим знать, есть ли у вас кое-что, принадлежащее нам.
- Вам?
- Нашему работодателю.
- А вы кто такие, ребята?
- Я же дал вам визитку.

– И сначала она произвела на меня огромное впечатление, потому что показалась настоящим шедевром – с точки зрения арифметики. Для семизначного телефонного номера существует более трех миллионов возможных комбинаций. Но вы не стали выбирать наугад, вы напечатали на визитке тот, про который вы точно знали, что он отключен. Я решил, что это круто, и проникся к вам уважением. Но потом я сообразил, что на самом деле такое невозможно, учитывая плотность населения на Манхэттене. Кто-то умирает или переезжает, и номера телефонов моментально обретают новых владельцев. Получалось, что у вас есть доступ к списку неработающих номеров. Телефонные компании держат несколько штук на тот случай, когда номер показывают в фильме или по телевизору. Они не могут использовать настоящие, чтобы не доставлять неудобство абонентам. И тогда я понял, что вы знакомы с людьми в кино или телевизионном бизнесе. Вероятно, по большей части вас нанимают охранниками, когда шоу выходит в город, и потому максимум, что вам приходится делать, – это отгонять желающих получить автограф. Ужасное разочарование для парней вроде вас. Я уверен, что, открывая свою контору, вы имели в виду гораздо более захватывающие операции. А что еще хуже, из-за отсутствия практики ваши способности подвергаются эрозии. Так что теперь я на ваш счет беспокоюсь еще меньше, чем когда увидел вас в первый раз. Короче говоря, если все суммировать и рассуждать с точки зрения создания образа, с визиткой вы промахнулись.

- Мы можем угостить вас кофе? – спросил мой собеседник.

Я никогда не отказываюсь от кофе, но с меня хватило сидения в кафе, поэтому я согласился на кофе навынос, сказав, что мы будем пить его на ходу и разговаривать. Мы зашли в первый встретившийся нам по пути «Старбакс», который, как и в большинстве городов, оказался в половине квартала. Я проигнорировал разные манерные варианты и взял фирменный кофе, черный, в большом стакане, так, чтобы не оставалось места для сливок. Это мой стандартный выбор, когда я захожу в «Старбакс». Я считаю, что его варят из отличных зерен. Правда, на самом деле мне все равно. Для меня важен кофеин, а не вкус.

²⁰ Мэдисон-сквер-гарден – легендарный спортивно-развлекательный комплекс в Нью-Йорке, место проведения международных соревнований по нескольким видам спорта, домашняя арена для хоккейной команды «Нью-Йорк Рейнджерс» и баскетбольного клуба «Нью-Йорк Никс»; также место проведения различных музыкальных концертов и представлений.

Мы вышли наружу и зашагали по Восьмой. Но вчетвером трудно разговаривать на ходу, да и машины создавали такой шумовой фон, что в конце концов через десять ярдов по одной из пересекавших Восьмую улиц мы остановились: я – в тени, облокотившись на ограждение, трое моих спутников – на солнце передо мной. Они стояли, слегка наклонившись вперед, как будто хотели мне что-то доказать. У наших ног валялся разорвавшийся пакет с мусором, из которого на тротуар вывалились веселые странички воскресной газеты. Тот из троих, что вел со мной переговоры, сказал:

– Вы очень сильно нас недооцениваете, но мы не хотим вступать с вами в состязание, кто круче.

– Отлично, – ответил я.

– Вы ведь бывший военный?

– Пехота, – сказал я.

– Это все еще заметно.

– Глядя на вас – тоже. Части особого назначения?

– Нет, мы так далеко не продвинулись.

Я улыбнулся, оценив его честность.

– Нас наняли для проведения кратковременной операции, поскольку мы работаем здесь. У погибшей женщины имелся при себе очень ценный предмет. В нашу задачу входит его вернуть.

– Какой предмет? И какова его стоимость?

– Информация.

– Ничем не могу вам помочь, – ответил я.

– Наш работодатель хотел получить данные на цифровом носителе, например на флешке, но мы отказались, потому что вынести нечто подобное из Пентагона трудно. Мы сказали, что сведения должны быть переданы устно, сначала прочитаны, потом заучены наизусть.

Я молчал и думал про то, как Сюзан Марк ехала в поезде и что-то бормотала. Может быть, это были не мольбы и не оправдания, не угрозы и не возражения. Может быть, она снова и снова повторяла детали информации, которую собиралась передать, чтобы ничего не забыть и не перепутать из-за своего страха и внутреннего напряжения. Учила их наизусть и говорила: «Я подчинилась, подчинилась, подчинилась, подчинилась». Пыталась успокоиться и надеялась, что все хорошо закончится.

– Кто вас нанял? – спросил я.

– Мы не можем назвать вам имя.

– Чем он ее взял?

– Мы не знаем и не хотим знать.

Я сделал несколько глотков кофе.

– Женщина разговаривала с вами в поезде, – сказал тип, который возглавлял компанию.

– Да, разговаривала, – подтвердил я.

– Значит, мы можем предположить, что вы знаете то, что знала она.

– Возможно, – ответил я.

– Человек, который нас нанял, в этом уверен. Получается, что у вас проблема. Данные на цифровом носителе получить просто. Мы могли бы ударить вас по голове и вывернуть ваши карманы. Но то, что у вас в памяти, необходимо добыть другим способом.

Я промолчал.

– Так что вам просто необходимо рассказать нам то, что вы знаете, – продолжал он.

– Чтобы вы выглядели компетентными?

Он покачал головой.

– Чтобы с вами ничего не случилось.

Я сделал еще глоток кофе, а он продолжал:

– Я обращаюсь к вам, как мужчина к мужчине. Как солдат к солдату. Дело не в нас. Если мы придем с пустыми руками, нас, конечно, уволят, но в понедельник утром мы начнем работать на кого-то другого. Однако если мы уйдем со сцены, вы останетесь без прикрытия. Наш заказчик привез с собой целую команду. В настоящий момент он держит их на поводке, потому что здесь они будут слишком бросаться в глаза. Но когда мы отойдем в сторону, он спустит их на вас. Других вариантов нет. А вы совсем не хотите, чтобы *они* с вами разговаривали.

– Я ни с кем не хочу разговаривать. Ни с ними, ни с вами. Я не люблю разговаривать.

– Я не шучу.

– И правильно. Погибла женщина.

– Самоубийство – не преступление.

– Но то, что заставило ее это сделать, может оказаться преступлением. Женщина работала в Пентагоне. Речь идет о национальной безопасности. Ситуация непростая, и вам следует постараться из нее выбраться. Обратитесь в полицию.

Мой собеседник покачал головой.

– Лучше я сяду в тюрьму, чем пойду против этих людей. Вы слышали, что я сказал?

– Я слышал, – ответил я. – Вам нравится сражаться с охотниками за автографами.

– Мы здесь исполняем роль лайковых перчаток, и вам следует этим воспользоваться.

– Вы не то что не лайковые, вы вообще никакие не перчатки, ребята.

– Где вы служили?

– В военной полиции, – ответил я.

– Тогда вы труп. Вы ничего подобного никогда не видели.

– Кто он?

Тип, который вел переговоры, только покачал головой.

– Сколько их?

Он снова покачал головой.

– Дайте мне хоть что-нибудь.

– Вы не слушаете меня. Если я не собираюсь идти в полицию, с какой стати я стану что-то говорить вам?

Я допил кофе и оттолкнулся от ограды, сделал три шага и бросил стаканчик в урну.

– Позвоните своему заказчику и скажите, что он был прав, а вы ошиблись. Что женщина записала информацию на флешку, которая сейчас лежит у меня в кармане. Потом сообщите ему по телефону, что вы больше на него не работаете, возвращайтесь домой и постарайтесь не попадаться мне на глаза.

Я перешел на другую сторону улицы между двумя мчащимися машинами и направился назад, на Восьмую. Командир отряда громко позвал меня по имени, я повернулся и увидел, что он держит в вытянутой руке мобильный телефон, направленный в мою сторону; сам он смотрел на экран. В следующее мгновение он его опустил, и все трое дружно зашагали прочь. Между нами проехал белый грузовик, и они скрылись из вида, прежде чем я сообразил, что он меня сфотографировал.

Глава 16

Магазины «РадиоШэк» примерно в десять раз менее популярны, чем «Старбакс», но они всегда находятся в нескольких кварталах от того места, где вы стоите. К тому же они рано открываются. Я зашел в первый попавшийся мне на пути, и меня встретил практически на пороге услужливый продавец родом, судя по всему, с полуострова Индостан. Наверное, я был первым покупателем. Я спросил у него про мобильные телефоны с фотоаппаратами, и он ответил, что почти во всех моделях они есть, а в некоторых даже имеются видеокамеры. Я сказал, что хочу посмотреть, насколько хорошими получаются снимки. Он взял какой-то телефон, я отошел в заднюю часть магазина, и он, стоя около кассы, меня сфотографировал.

Снимок получился маленьким, и ему не хватало разрешения. Так что лицо вышло не слишком четко. Но мои размеры, очертания тела и поза были схвачены совсем неплохо. По крайней мере, чтобы стоило ждать неприятностей. По правде говоря, лицо у меня самое обычное и незапоминающееся. Я подозреваю, что люди, по большей части, узнают меня по фигуре, которая как раз очень даже обращает на себя внимание.

Я сказал продавцу, что не буду покупать телефон, и тогда он попытался продать мне цифровую камеру с целой кучей мегапикселей, заявив, что благодаря этому картинка получится гораздо лучше. Я ответил, что камера мне тоже не нужна, а вот флешку я, пожалуй, возьму, но самую дешевую и с самым маленьким объемом памяти из тех, что имелись в магазине. Она требовалась мне в качестве декорации, и я не хотел тратить на нее целое состояние. Флешка оказалась крошечной и лежала в огромном футляре из плотного пластика. Я попросил продавца разрезать его ножницами, потому что об такой можно легко сломать зубы. К флешке на выбор прилагались два мягких кармашка из неопрена, голубой и розовый. Я взял розовый. Как мне показалось, Сьюзан Марк не относилась к категории женщин, обожающих розовый цвет, но люди видят то, что хотят увидеть. Розовый кармашек означает, что вещь принадлежит женщине. Я положил флешку в джинсы рядом с зубной щеткой, поблагодарил продавца и оставил его убирать оставшийся после меня мусор.

Я прошел два с половиной квартала на восток по Двадцать восьмой улице, у меня за спиной постоянно находилось множество людей, но я не знал никого из них и, похоже, никто не знал меня. Потом на Бродвее я спустился в метро, где пробил свою карточку. После этого я пропустил девять поездов, идущих в центр города. Просто сидел в жуткой жаре на деревянной скамейке и смотрел, как они проносятся мимо. С одной стороны, чтобы немного отдохнуть и убить время до начала рабочего дня, с другой – я хотел убедиться, что за мной не следят. Девять комплектов пассажиров приехало и уехало, и девять раз я на несколько секунд оставался на платформе в полном одиночестве. Никто не проявлял ко мне ни малейшего интереса.

Когда мне надоело наблюдать за людьми, я стал высматривать крыс. Я люблю крыс. Про них сложено много легенд, но на самом деле они показываются гораздо реже, чем принято считать, потому что они очень пугливые. А те, которых мы видим, обычно либо еще молодые, либо больные или голодные. Они обгрызают лица спящих младенцев не ради удовольствия, их привлекает запах еды. Мойте своему малышу рот перед тем, как укладывать его спать, и все будет в порядке. И вообще, громадных крыс размером с кошек не бывает, они все примерно одинаковые.

Но я не сумел увидеть ни одной крысы, и мне надоело сидеть. Я встал, повернулся спиной к рельсам и принялся разглядывать плакаты на стене. На одном из них была изображена схема метро, два других рекламировали бродвейские мюзиклы. Третий представлял собой официальное обращение, запрещавшее «подземный серфинг», с черно-белой иллюстрацией, на которой мужчина распластался наподобие морской звезды с наружной стороны двери

вагона. В более старых моделях под дверью имелись небольшие углубления, предназначенные для того, чтобы немного сократить расстояние между платформой и вагоном, куда можно было поставить кончики пальцев ног, а наверху – узкие карнизы, чтобы внутрь не заливалась вода. Я узнал от своего безумного попутчика, что в поездах типа R142A ничего такого нет.

Но если приходил вагон старого типа, можно было подождать на платформе, когда закроется дверь, затем поставить пальцы ног на приступку, уцепиться руками за карниз, прижаться к двери и проехать через туннель, находясь снаружи вагона. Подземный серфинг – масса удовольствия для кого-то, но теперь это развлечение стало запретным.

Я снова повернулся к рельсам и сел в поезд R десятого маршрута. Вагон оказался старым, с карнизом и приступкой перед дверью. Но я ехал внутри, две остановки до Юнион-сквер.

Я поднялся наверх на юго-западном углу Юнион-сквер и направился в огромный книжный магазин, который, как я помнил, находился на Семнадцатой улице. Политики, участвующие в избирательной кампании, обычно публикуют свои биографии до того, как начинается сезон выборов; кроме того, о них много пишут в журналах. Можно было поискать интернет-кафе, но я не слишком уверенно себя чувствую с современными технологиями, да и интернет-кафе сейчас попадаются реже, чем раньше. Теперь все носят с собой маленькие электронные устройства, названные именами деревьев или фруктов. Короче говоря, интернет-кафе, так же как и телефонные будки, постепенно становятся жертвой новых беспроводных изобретений.

На улице перед книжным магазином стояли столики, заваленные новинками. Я нашел нехудожественные издания, но не сумел отыскать среди них то, что меня интересовало. Там были книги по истории, экономике и биографии – и ничего про политику. Тогда я прошел дальше и обнаружил то, что хотел, в задней части второго стола. Комментарии и мнения правых и левых, а также автобиографии кандидатов в блестящих суперобложках и с глянцевыми отретушированными фотографиями. Книга Джона Сэнсома, примерно в полдюйма толщиной, называлась «Всегда на задании».

Я взял ее с собой и поднялся на эскалаторе на третий этаж, где благодаря указателям отыскал отдел журналов. Отобрав все новостные еженедельники, я отправился вместе с ними и книгой Сэнсома в раздел военной истории. Там я провел несколько минут и убедился, что все правильно понимаю – в армии Управление человеческими ресурсами не делает ничего такого, чего не делало в прошлом Управление личным составом, – иными словами, как и раньше, занимается бумажной работой и учетными карточками.

После этого я устроился на подоконнике и принялся изучать все, что отобрал. Спину мне поджаривало солнце, проникавшее внутрь сквозь стекло, а все остальное замерзло от холодного воздуха из кондиционера, расположенного прямо над головой. Я не слишком уютно себя чувствую, когда читаю книги, зная, что не буду их покупать, но, похоже, владельцы магазинов ничего не имеют против. Наоборот, всячески поощряют подобное поведение, даже расставляют кресла для удобства посетителей. Иными словами, новая бизнес-модель в действии. Более того, теперь так делают везде. Магазин еще только открылся, но уже напоминал лагерь беженцев. Повсюду в самых разных позах сидели люди в окружении стопок книг и журналов, намного больше моей.

Во всех отобранных мной журналах имелись отчеты об избирательной кампании, втиснутые между рекламой и сообщениями о достижениях в медицине и современных технологиях. По большей части статьи были самого высшего качества, но Сенату и Палате представителей отводилось по несколько строчек. До первичных выборов оставалось еще четыре месяца, и четырнадцать до самих выборов, некоторые кандидаты уже выбыли из гонки, но Сэнсом все еще уверенно в ней участвовал. Он получил солидную поддержку жителей своего штата, собирал огромные деньги; его грубоватые манеры называли свежей струей, а военную карьеру считали прекрасным основанием для того, чтобы он мог занять практически любой пост. Хотя,

с моей точки зрения, это все равно что сказать, будто работник санитарно-гигиенической службы обладает всеми необходимыми качествами для того, чтобы стать мэром. Может, так, а может, и нет. Но звучат такие рассуждения совершенно нелогично.

Однако не вызывало сомнений, что журналистам Сэнсом нравился и они прочили ему блестящую политическую карьеру. Его даже рассматривали в качестве участника президентских выборов через четыре или восемь лет. Один автор намекнул, что, возможно, на этот раз Сэнсом откажется от участия в выборах в Сенат и станет кандидатом на пост вице-председателя своей партии. Он уже стал своего рода знаменитостью.

Обложка его книги показалась мне весьма необычной: на ней стояло имя Сэнсома и название, а под ними были помещены две фотографии. Та, что побольше, представляла собой зернистый, расплывчатый снимок военных действий, достаточно крупный, чтобы служить фоном для всего остального. На нем был изображен молодой человек в потрепанной, расстегнутой на груди камуфляжной форме и в вязаной шапочке, с полной раскраской на лице. Поверх него художник, делавший обложку, наложил портрет того же человека, только через много лет и в деловом костюме. Не вызывало сомнений, что это Сэнсом – тогда и сейчас. Вся его рекламная кампания в одном визуальном ряду.

С более свежей фотографии, сделанной при прекрасном освещении, безупречно четкой и с мастерски выбранной композицией, на нас смотрел невысокий худой мужчина, ростом примерно пять футов девять дюймов и весом сто пятьдесят фунтов. Скорее гончая или терьер, а не питбуль, выносливый и упорно идущий к цели, какими и являются лучшие солдаты частей особого назначения. Хотя, скорее всего, более старый снимок относился к тем временам, когда он служил в регулярных частях. Может быть, был рейнджером²¹. По собственному опыту я знал, что парни из отряда «Дельта», ровесники Сэнсома, носили бороды, темные очки и бедуйские платки, которые надевали так, что они закрывали шею. Частично из-за того, где они служили, частично им нравились маскировка и анонимность, что, в свою очередь, объяснялось, с одной стороны, необходимостью, с другой – являлось театральной показухой.

Но, видимо, тот, кто занимался организацией избирательной кампании Сэнсома, сам выбрал эту фотографию, отдав предпочтение обычному подразделению в обмен на исключительно американский снимок, на котором к тому же Сэнсом был абсолютно узнаваем. Может быть, человек, похожий на диковинного палестинского хиппи, не вызвал бы доверия в Северной Каролине.

На первой странице стояло полное имя Сэнсома и его воинское звание, написанное с соблюдением всех формальностей: «Майор Джон Т. Сэнсом, Вооруженные силы США, в отставке». Далее сообщалось, что он имеет крест «За выдающиеся заслуги», медаль «За выдающиеся заслуги» и две «Серебряных звезды». Уволившись из армии, он с успехом занимал пост председателя правления «Консалтинговой компании Сэнсома». И снова вся рекламная кампания свелась к нескольким строчкам, в одном месте. Мне стало интересно, что же я найду в самой книге.

Я пролистал ее и понял, что она делится на пять основных частей: юность, служба в армии, далее женитьба и семья, бизнес и политическое видение будущего. Все, что касалось детства и юности, было обычным для подобного жанра. Трудное детство в родном городке, отсутствие денег, никаких излишеств, мать – сильная, надежная женщина, отец работал в двух местах, чтобы свести концы с концами. Я не сомневался, что все это сильно преувеличено. Если рассматривать кандидатов на высокие политические должности в качестве образчиков популяционной группы, тогда получится, что США – это страна Третьего мира. Все выросли в нищете, водопровод был роскошью, обувь – редкостью, а нормальный обед – поводом для ликования.

²¹ 75-й воздушно-десантный полк рейнджеров – элитное подразделение легкой пехоты в составе армии США.

Я добрался до того места, где рассказывалось, как Сэнсом познакомился со своей будущей женой, и обнаружил там примерно такие же стандартные вещи. Она замечательная женщина, их дети просто чудо. Конец истории. В части, отведенной его деловой карьере, я мало что понял. «Консалтинговая компания Сэнсома» представляла собой группу консультантов, что, в общем, звучало вполне логично, но мне никак не удавалось сообразить, чем же они занимались. Главным образом, вносили предложения, покупали акции корпораций, которым давали советы, затем продавали их и становились все богаче и богаче. Сэнсом, как сам он сказал, заработал целое состояние, но я так и не узнал, о какой сумме идет речь. Лично я чувствую себя прекрасно, когда у меня в кармане лежит пара сотен баксов. В конце концов я пришел к выводу, что у Сэнсома имелось больше пары сотен баксов, но насколько, общественности он не сообщал. Еще четыре нуля? Или пять? А может, шесть?

Я просмотрел ту часть, в которой говорилось о его видении политического будущего страны, но не нашел там ничего нового по сравнению с тем, что писали журналы. Сводилось все к тому, чтобы дать избирателям то, что они хотят иметь. Низкие налоги – пожалуйста. Коммунальные услуги – получите. Мне все это показалось полной бессмыслицей, но в целом Сэнсом выглядел как вполне приличный человек. Я поверил, что он попытается делать правильные вещи – по крайней мере, не меньше, чем все остальные. И что он поступил правильно, выставив свою кандидатуру.

В середине книги тоже имелись фотографии. Все, кроме одной, представляли собой самые обычные снимки, которые прослеживали его жизнь от трех месяцев до настоящего дня. Думаю, такие любой может достать из коробки из-под обуви, хранящейся в дальнем углу кладовки. Родители, детство, школьные годы, служба в армии, будущая жена, дети, деловые портреты... Ничем не примечательные фотографии из тех, что, возможно, имеются в биографиях других кандидатов.

Но вот снимок, который отличался от всех остальных, был совсем необычным.

Глава 17

Это была фотография, которую я уже видел раньше. На ней американский политик по имени Дональд Рамсфелд пожимал руку иракского диктатора Саддама Хусейна в 1983 году в Багдаде. Дональд Рамсфелд два срока занимал пост министра обороны, но в то время, когда был сделан снимок, являлся специальным послом президента Рональда Рейгана. Он полетел в Багдад, чтобы поцеловать задницу Хусейну, похлопать его по спине и преподнести пару золотых шпор в качестве подарка и символа вечной благодарности Америки. Через восемь лет мы отправились надрать Хусейну задницу, а не целовать ее; еще через шестнадцать убили его. Сэнсом сделал под снимком подпись: «Порой наши друзья становятся врагами, а враги – друзьями». Я решил, что это политический комментарий. Или деловая проповедь, хотя в самом тексте не обнаружил упоминания о той исторической встрече.

Я вернулся к военной карьере Сэнсома и приготовился внимательно ее прочитать. В конце концов, в этом вопросе я прекрасно разбираюсь. Сэнсом прослужил с 1975 по 1992 год. Семнадцать лет, на четыре больше, чем я. Но он поступил на службу на девять лет раньше меня и уволился раньше на пять. В основном это был неплохой период по сравнению со многими другими. Пароксизмы Вьетнама закончились, и новая профессиональная армия, состоящая из добровольцев, встала на ноги; к тому же она очень неплохо финансировалась. У меня сложилось впечатление, что Сэнсому в армии нравилось. Его рассказ звучал достаточно внятно, он точно описал базовую подготовку и офицерскую школу, остроумно поведал про свои первые месяцы в пехоте.

Сэнсом получил все доступные специальности и перешел в подразделение рейнджеров, а затем – в только что организованный отряд «Дельта». Как обычно, он сильно драматизировал трудности, выпавшие на его долю на первом этапе: похожие на ад недели, тренировки на износ, борьба за выживание, нечеловеческая усталость. Как обычно, он не написал ни одного критического слова о недостатках «Дельты». Получалось, будто в ней полно солдат, которые в состоянии не спать неделю, пройти сто миль и отстрелить яйца мухе цеце. Но нет ни одного, кто смог бы отличить шиита от похода в сортир²².

Однако в общем и целом я почувствовал, что Сэнсом достаточно честно все описал. По правде говоря, миссии «Дельты» заканчиваются, еще не успев начаться, а большинство из тех, что все-таки начинаются, проваливаются. Некоторые парни так ни разу и не принимают участия в боевых операциях. Сэнсом ничего не приукрашивал. Он откровенно рассказал о скуке, и редких операциях, и о неудачах. Более того, он ни разу не упомянул о пастухах. В большинстве отчетов отрядов особого назначения, которые составляются после операций, отсутствие положительного результата объясняется наличием пастухов, переходящих с места на место. Парни из «Дельты» попадают в негостеприимные и, в прямом смысле этого слова, ненаселенные районы, но их тут же обнаруживают местные крестьяне, пасущие огромные стада коз. Однако это маловероятно статистически. И учитывая голую местность с точки зрения наличия еды. Козам нужно чем-то питаться. Может быть, когда-то так и было, но с тех пор превратилось в кодовое понятие. Гораздо приятнее сказать: «Мы собрались заняться делом, но тут нас обнаружил пастух со стадом коз», чем «Мы всё просрали». Однако Сэнсом ни словом не обмолвился про бродячих животных или присматривающих за ними сельских жителей. Очко в его пользу.

На самом деле он вообще мало что упоминал. И практически ничего в колонке, ответственной для успешных операций. Судя по всему, они занимались рутинными вещами в Западной Африке, потом в Панаме; после, во время первой войны в Заливе в 1991 году, охотились

²² Намек на то, что слова «шиит» и «дерьмо» по-английски пишутся и произносятся почти одинаково – Shiite и shit.

на «Скады»²³. Кроме этого – ничего. Только бесконечные тренировки и боевая готовность, за которой следовали отмена и новые тренировки. Мемуары Сэнсома оказались, пожалуй, первыми, попавшимися мне на глаза, где я не увидел никаких преувеличений в том, что касалось частей особого назначения. Более того, он даже принизил значимость и важность их роли. Короче говоря, не приукрасил вещи, а, наоборот, показал части особого назначения в неприглядном виде.

И это уже было интересно.

²³ SS-1c Scud B (по классификации НАТО) – советская жидкостная одноступенчатая баллистическая ракета Р-17.

Глава 18

Я проявил чудеса осторожности, возвращаясь в кафетерий на Восьмой улице. «Наш заказчик привез с собой целую команду». И они уже примерно представляли, как я выгляжу. Продавец из «РадиоШэка» рассказал мне, что фотографии, сделанные телефоном, можно передать на другой мобильник. Я же не знал, как выглядят мои противники, но если их главарю пришлось нанять ребятишек в хороших костюмах в качестве местного камуфляжа, значит, его громилы выглядят иначе. Больше никаких зацепок у меня не было. Я видел вокруг множество людей, непохожих на жителей Нью-Йорка, – наверное, пару сотен тысяч. Здесь всегда так. Правда, ни один из них не проявлял ко мне ни малейшего интереса, и никто за мной не шел. Впрочем, должен признаться, что я не старался облегчить им жизнь. Я доехал на четвертом маршруте до Центрального вокзала, сделал два круга в толпе, потом на маршрутке добрался до Таймс-сквер, оттуда по большой и совершенно нелогичной петле до Девятой авеню и мимо полицейского участка четырнадцатого округа приблизился к кафетерию с запада.

Джейкоб Марк уже поджидал меня, устроившись в дальней кабинке.

Я обратил внимание на то, что он привел себя в порядок: помылся, причесался, надел темные брюки, белую рубашку и голубую ветровку. Не хватало только татуировки «Коп на отдыхе». Джейк выглядел печальным, но не напуганным. Я сел боком напротив него, чтобы видеть сквозь окно улицу.

– Ты поговорил с Питером? – спросил я.

Джейк покачал головой.

– Но?

– Я думаю, с ним все в порядке.

– Ты думаешь или знаешь?

Он не ответил, потому что к нам подошла официантка, та же, что обслуживала нас утром. Я слишком проголодался, чтобы переживать насчет того, будет Джейк есть или нет, и потому заказал большую тарелку салата с тунцом и яйцами и целую кучу самой разной еды. И, конечно, кофе. Джейк последовал моему примеру и попросил принести ему сэндвич с сыром, приготовленный на гриле, и воду.

– Ну, рассказывай, – потребовал я.

– Мне помогли копы, которые следят за порядком в кампусе, – ответил он. – Причем с радостью. Питер там у них футбольная звезда. Дома его не оказалось, и они подняли с постелей его приятелей, а те рассказали, что Питер у какой-то девицы.

– Где?

– Мы не знаем.

– У какой девицы?

– Он познакомился с ней в баре. Они с приятелями ходили туда четыре дня назад, девушка уже была там. Питер ушел вместе с ней.

Я молчал.

– Что? – спросил Джейк.

– Кто проявил инициативу? – поинтересовался я.

– Вот это меня и успокаивает, – кивнув, ответил Джейк. – Питер сам сделал всю работу. Его приятели говорят, что у него ушло на это четыре часа и ему пришлось очень сильно постараться. Как в игре в чемпионате, так они сказали. В общем, никакая она не Мата Хари.

– Описание есть?

– Потрясающая крошка. И если это говорят парни из студенческой команды, значит, она выглядела на все сто. Немного старше его, но совсем чуть-чуть. Лет двадцать пять или

двадцать шесть. Для ребят с последнего курса склеить такую – настоящая победа и проверка на прочность. Они просто не в силах устоять, чтобы не попробовать.

– Как ее зовут?

– Приятели Питера держались от них в стороне, – покачивая головой, ответил Джейк. – У них такие правила, что-то вроде этикета.

– Они постоянно бывают в том баре?

– Время от времени.

– Шлюха или подставная девка?

– Точно нет. Эти ребяташки не сидят вечерами по домам, и они не дураки. Они знают, как выглядят шлюхи. Кроме того, Питер сам ее закадрил. Четыре часа старался и пустил в ход все, что знал и умел.

– Если бы она захотела, все закончилось бы через четыре минуты.

– Поверь мне, я такое проходил сотню раз. Часа вполне хватило бы, чтобы подстава выглядела абсолютно нормальным делом. Ну, максимум двух. Никто не станет растягивать удовольствие до четырех. Так что все в порядке. Даже больше чем просто в порядке – с позиции Питера. Только представь себе: четыре дня с потрясающей крошкой. Ты-то сам чем занимался в двадцать два года?

– Я тебя слышу, – сказал я.

В двадцать два мои приоритеты были точно такими же, хотя отношения, затянувшиеся на четыре дня, показались бы мне слишком долгими. Практически помолвкой или браком.

– Но? – спросил Джейк.

– Сюзан задержалась на автостраде на четыре часа, и я хочу понять, чем могли пригрозить матери, которая, поняв, что опаздывает, совершила самоубийство.

– С Питером все в порядке, не волнуйся за него. Он скоро вернется домой, совершенно без сил, но счастливый.

Я ничего ему не ответил, потому что подошла официантка, которая принесла наш заказ. Еда выглядела привлекательно, и ее было много.

– Парни из частного агентства тебя нашли? – спросил Джейк.

Я рассказал ему о встрече с ними, в паузах отправляя в рот салат с тунцом.

– Они знают, как тебя зовут? Это не есть хорошо, – проговорил он.

– Да уж, не слишком. Кроме того, им известно, что я разговаривал с твоей сестрой в поезде.

– Откуда они это узнали?

– Они бывшие копы. И у них в департаменте остались друзья. Другого объяснения я не вижу.

– Ли и Доэрти?

– Возможно. Или кто-то пришел на дневное дежурство и прочитал отчет.

– И они тебя сфотографировали? Это тоже нехорошо.

– Да уж, не слишком, – повторил я.

– А та команда, о которой они говорили, не появлялась? – спросил Джейк.

Я посмотрел в окно.

– Пока нет.

– Что еще?

– Джон Сэнсом не придумал насчет своей карьеры в армии. Складывается впечатление, что он ничего особенного там не делал. Значит, у его противников нет никаких оснований искать доказательства того, что он врет.

– Получается, тупик.

– Может, и нет, – возразил я. – Он вышел в отставку в чине майора. Это одно автоматическое повышение в звании плюс два в соответствии с заслугами. Судя по всему, он сделал что-то такое, что понравилось командованию. Я тоже был майором и знаю, как это работает.

– А ты что сделал такого, что им понравилось?

– Что-то, о чем они потом, возможно, пожалели.

– Как насчет продолжительности службы? Например, ты там торчишь достаточно долго, и тебе присваивают новые чины, – сказал Джейк.

– Нет, так не бывает, – покачав головой, ответил я. – Кроме того, Сэнсом получил три из четырех доступных высших наград, одну из них дважды. Значит, он сделал что-то особенное, причем четыре раза.

– Все получают медали.

– Только не такие. У меня самого есть «Серебряная звезда», которая для Сэнсома равноценна мелкой монетке, но я совершенно точно знаю, что эта медаль не вываливается из коробки с кашей на завтрак. Еще у меня имеется «Пурпурное сердце»²⁴, а у него, очевидно, нет, потому что он не упомянул о нем в своей книге. Но ни один политик не забудет про рану, полученную во время боевой операции. Никогда и ни за что на свете. Так вот, довольно необычно получить медаль за отвагу без ранения, обычно они ходят рука об руку.

– Может, он наврал насчет медалей?

– Исключено. Прилепить нашивку об участии в боевых действиях на ленточку медали «За службу во Вьетнаме» или что-то вроде этого – да. Но речь идет о серьезных наградах. Так что Сэнсом действительно получил их все, кроме «Пурпурного сердца».

– И что?

– Я думаю, что на самом деле он врет насчет своей военной карьеры, но в обратную сторону. Сэнсом о чем-то умалчивает, а не добавляет красочные детали.

– Зачем?

– Затем, что он участвовал по меньшей мере в четырех секретных миссиях, и до сих пор не может о них говорить. Выходит, они очень-очень секретные, потому что он находится в самой середине предвыборной гонки и ему наверняка отчаянно хочется рассказать о своих заслугах.

– И какие это могли быть миссии?

– Мало ли какие. «Черные» или под прикрытием, причем против кого угодно.

– Тогда, может быть, Сюзан попросили раздобыть детали этих операций?

– Невозможно. Приказы и отчеты «Дельты» даже близко не попадают в УЧР. Их либо уничтожают, либо отправляют на шестьдесят лет в Форт-Брэгг. Я не хочу сказать ничего плохого о твоей сестре, но ей бы и на миллион миль не удалось к ним подобраться.

– И какая нам от этого польза?

– Позволяет отбросить в сторону военную карьеру Сэнсома. Если он каким-то боком здесь замешан, то в другом качестве.

– В каком?

Я положил вилку, допил кофе и сказал:

– Нам нельзя здесь оставаться. Те парни знают про это кафе и первым делом явятся искать меня сюда.

Я оставил на столе чаевые и направился к кассе. На сей раз официантка осталась довольна – мы провели здесь рекордно короткое время.

²⁴ «Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

Манхэттен является одновременно самым лучшим и самым худшим на земле местом, если на тебя ведется охота. Лучшим – потому что тут полно народа и каждый квадратный ярд забит свидетелями. А худшим – из-за того, что здесь полно народа и приходится присматриваться к каждому, кто попадает на глаза, просто на всякий случай. Это утомительно и ужасно раздражает; в результате через некоторое время вы либо приходите в бешенство, либо теряете бдительность. Поэтому удобства ради мы вернулись на Тридцать пятую и принялись вышагивать по тенистой стороне напротив припаркованных в ряд полицейских машин. Я решил, что это самый безопасный отрезок тротуара во всем городе.

– В каком другом качестве? – снова спросил Джейк.

– Что ты мне говорил про причины самоубийств, которые на твоей памяти произошли в Нью-Джерси?

– Финансовые и сексуальные.

– Сэнсом сколотил свой капитал не в армии.

– Ты думаешь, у него и Сюзан был роман?

– Это возможно, – ответил я. – Он мог познакомиться с ней на работе. Он из тех, кто постоянно на виду, часто фотографируется, и все такое.

– Он женат.

– Вот именно. Сейчас ведь идет предвыборная кампания.

– Нет, маловероятно. Сюзан была не такой. Предположим, их ничего не связывало.

– Тогда, может быть, он крутил шашни с кем-то из управления и Сюзан их видела.

– Все равно не получается.

– У меня тоже, потому что я никак не могу понять, при чем тут какая-то информация, – признался я. – «Информация» – это серьезное слово. Интрижка же ограничивается ответом «да – нет».

– Предположим, Сюзан работала вместе с Сэнсомом, а не против него. И Сэнсом хотел вытащить на свет чье-то грязное белье.

– В таком случае почему Сюзан приехала в Нью-Йорк? Логичнее выглядел бы Вашингтон или Северная Каролина.

– Понятия не имею, – ответил Джейк.

– И с какой такой радости Сэнсом вообще стал бы о чем-то просить Сюзан? У него имеется сотня гораздо более солидных источников информации, чем простая секретарша из УЧР, с которой он к тому же незнаком.

– Ну и какая тут связь?

– Может, у него был роман давным-давно, когда он еще служил в армии.

– Он тогда еще не был женат.

– Но правила существовали. Возможно, он трахал свою подчиненную и теперь, когда стал политиком, та старая история может иметь громкий резонанс.

– А такое случалось?

– Постоянно, – ответил я.

– И с тобой?

– Столько раз, сколько удавалось. Причем в обе стороны. Иногда я оказывался подчиненным.

– И у тебя были неприятности.

– Тогда – нет, но сейчас возникли бы вопросы, если бы я выставил свою кандидатуру на выборах.

– Так ты думаешь, что про Сэнсома ходили какие-то слухи и Сюзан попросили их подтвердить?

– Она не могла ничего узнать про его поведение, такие вещи хранятся в других местах. Но возможность выяснить, что человек А и человек Б служили одновременно в одном и том же месте, у нее была. Именно этим занимается управление, в котором она работала.

– В таком случае, может быть, Лиля Хос служила вместе с ним в армии и кто-то пытается связать их имена, чтобы раздуть сочный скандал?

– Не знаю, но звучит неплохо, – ответил я. – А еще у меня имеется местный крутой парень, который отчаянно боится идти в полицию, целая куча страшных угроз и история про какую-то стаю варваров, готовых сорваться с поводка. Политика – это грязный бизнес, но неужели настолько?

Джейк не нашел, что мне сказать.

– И мы не знаем, где Питер.

– Не беспокойся за Питера, он уже взрослый мальчик. Играет в Национальной футбольной лиге, защитник, триста фунтов мышц. Он в состоянии о себе позаботиться. Запомни его имя: Питер Молина. Когда-нибудь ты прочитаешь про него в газете.

– Надеюсь, не в ближайшее время.

– Расслабься.

– Итак, что ты собираешься делать дальше? – спросил я.

Джейк пожал плечами и принялся вышагивать по тротуару – молчаливый человек, загнанный в угол сложными эмоциями. Он остановился и прислонился к стене ровно напротив двери в четырнадцатый участок, расположенный на другой стороне улицы, потом окинул взглядом припаркованные машины, справа налево, «импала» и «краун вики», с опознавательными знаками и без, и необычные маленькие тележки на колесах.

– Сюзан умерла, и ничто ее уже не вернет, – сказал он.

Я молча ждал, что будет дальше.

– Поэтому я отправляюсь в похоронное бюро, – продолжал он.

– А потом?

– Ничего. Она застрелилась. Мне не станет легче, если я буду знать почему. Да и вообще, чаще всего причина так и остается неизвестной. Даже когда тебе кажется, будто ты ее знаешь.

– Я хочу знать причину, – сказал я.

– Зачем? Сюзан была моей сестрой, а не твоей.

– Ты не видел, как это произошло.

Джейк молча смотрел на полицейские автомобили напротив. Я заметил машину Терезы Ли, она стояла четвертой слева. Один из «краун виков» без опознавательных знаков чуть дальше в ряду выглядел новее остальных, был более блестящим, черным, с двумя короткими антеннами на багажнике, от которого отражались солнечные лучи. Я решил, что в нем приехали федералы из какого-то агентства с солидным финансированием, имеющие возможность выбирать для себя транспорт и средства связи.

– Я собираюсь сообщить ее семье о том, что произошло, – проговорил Джейк, – мы ее похороним и будем жить дальше. Жизнь – сволочная штука, а в конце мы умираем. Может быть, есть причина, по которой мы не хотим знать, где, как и почему. Лучше не знать. Все равно из этого не выходит ничего хорошего. Только новая боль. И дерьмо тебе в морду.

– Твой выбор, – сказал я.

Он кивнул и больше не стал ничего говорить, только пожал мне руку и зашагал прочь. Я видел, как он вошел на парковку к западу от Девятой, и через четыре минуты маленький зеленый кроссовер «тойота» выехал наружу и покатил на запад, влившись в транспортный поток. Я решил, что он направляется к тоннелю Линкольна и оттуда домой. «Интересно, когда я его снова увижу?» – подумал я. По моим предположениям, он должен был объявиться где-то между тремя днями и неделями.

Я ошибся.

Глава 19

Я все еще стоял на противоположной стороне улицы, напротив четырнадцатого участка, когда дверь открылась и на улицу вышла Тереза Ли с двумя мужчинами в синих костюмах и белых, застегнутых на все пуговицы рубашках. Она выглядела уставшей. Тереза Ли получила вызов в два часа ночи, значит, находилась на ночном дежурстве, должна была смениться около семи, вернуться домой и лечь спать в восемь. Выходило, что она сильно задержалась на работе. Хорошо для ее банковского счета и не слишком для всего остального. Она остановилась на залитом солнцем тротуаре, прищурилась и потянулась и тут увидела меня.

Тереза отреагировала в классическом стиле – схватила типа, стоявшего рядом, за локоть, что-то проговорила и показала в мою сторону. Я находился слишком далеко и не слышал ее слов, но язык тела все мне сказал: «Слушайте, вот он». С большим восклицательным знаком в конце, так резко она взмахнула рукой.

Ее спутники автоматически повернули головы налево, чтобы посмотреть, нет ли машин, и я понял, что они живут в городе. Улицы с нечетными номерами идут с востока на запад, с четными – с запада на восток. Это знание у них в крови. Значит, они местные. Но они привыкли ездить на машинах, а не ходить пешком, поэтому не проверили, не видно ли разносчиков на велосипедах, которые обычно едут против движения. Они просто побежали через дорогу, протискиваясь между машинами, потом разделились и одновременно помчались ко мне слева и справа, из чего я сделал вывод, что они прошли кое-какую военную подготовку и что они спешат. Судя по всему, именно они приехали на «краун вике» с тоненькими антеннами. Я стоял в тени и ждал. Они были в черных ботинках и синих галстуках, и я видел майки, которые просвечивали около шеи – белые под белым. Слева пиджаки оттопыривались сильнее, чем справа; получалось, мне предстояло познакомиться с агентами-правшами, экипированными подплечной кобурой каждый. У меня сложилось впечатление, что им сильно за тридцать, ближе к сорока; иными словами, парни в расцвете лет, не новички, вышедшие порезвиться.

Они увидели, что я не собираюсь никуда уходить, немного притормозили и подошли ко мне быстрым шагом. «ФБР, ближе к копам, чем к полувоенным агентам», – подумал я. Они не стали показывать мне свои удостоверения, решив, что я и сам догадался, кто они такие.

– Нам необходимо с вами поговорить, – сказал тот из них, что находился слева.

– Я понял, – ответил я.

– Как?

– Потому что вы перебежали дорогу, по которой мчались машины, чтобы сюда попасть.

– А вам известно, о чем мы собираемся с вами разговаривать?

– Понятия не имею. Разве что вы хотите предложить мне помощь, чтобы я смог справиться с психологической травмой, которую пережил.

Мой собеседник нетерпеливо поджал губы, как будто собирался отчитать меня за сарказм, но в следующее мгновение криво ухмыльнулся и заявил:

– Вот вам мой совет в качестве помощи: ответьте на несколько вопросов, а потом забудьте, что вы ехали в том поезде.

– В каком поезде?

Он уже открыл рот, чтобы ответить, но удержался, слишком поздно сообразив, что я его дразню, и чувствуя себя неловко из-за собственной глупости.

– Какие вопросы? – поинтересовался я.

– Назовите номер вашего телефона, – сказал он.

– У меня нет номера телефона, – ответил я ему.

– Даже мобильного?

– Особенно мобильного, – заявил я.

- На самом деле?
- Я тот самый парень, – сказал я. – Примите мои поздравления. Вы меня нашли.
- Какой парень?
- Единственный в мире, у которого нет мобильного телефона.
- Вы канадец?
- А зачем мне быть канадцем?
- Детектив сказал нам, что вы говорите по-французски.
- Куча людей говорит по-французски. К тому же в Европе есть целая страна, где этот язык является государственным.
- Вы француз?
- Моя мать была француженкой.
- Когда вы в последний раз были в Канаде?
- Не помню. Наверное, много лет назад.
- Уверены?
- Абсолютно.
- У вас есть в Канаде друзья или коллеги?
- Нет.

Он затих. Тереза Ли все так же стояла на солнце перед дверью четырнадцатого участка и наблюдала за нами.

Другой тип в синем костюме сказал:

- Это было всего лишь самоубийство в поезде. Неприятно, но ничего сверхъестественного. Дерьмо случается. Мы понятно изъясняемся?
- Мы закончили? – спросил я.
- Она вам передала что-нибудь?
- Нет.
- Вы уверены?
- Совершенно. Мы закончили?
- У вас есть какие-то планы? – спросил меня тип в костюме.
- Я уезжаю из города.
- Куда?
- В другое место.
- Хорошо, мы закончили. Можете идти.

Я остался где стоял, наблюдая за тем, как они идут к своей машине. Они сели в нее, дождались возможности влиться в транспортный поток, отъехали от тротуара и помчались прочь. Я решил, что они проедут по автостраде Вест-Сайд до самого центра города и своих рабочих столов.

Тереза Ли продолжала стоять на тротуаре перед участком.

Я перешел на другую сторону улицы, пробрался между припаркованными бело-голубыми патрульными машинами и шагнул на тротуар рядом с ней, достаточно далеко, чтобы соблюсти приличия, но так, чтобы она меня услышала. Я встал лицом к зданию участка, чтобы солнце не било мне в глаза, и спросил:

- И что все это значит?
- Они нашли машину Сьюзан Марк, – ответила Тереза. – Она была припаркована в Сохо²⁵. Сегодня утром ее перевезли на стоянку.
- И что?
- Они ее, естественно, обыскали.

²⁵ Сохо – сокращение от South of Houston Street – «к югу от Хьюстон-стрит».

– Почему естественно? Что-то они слишком уж суетятся по поводу дела, которое сами назвали самым обычным самоубийством.

– Они не объясняют, что у них творится в мозгах. По крайней мере, нам.

– И что они нашли?

– Обрывок бумаги с какими-то цифрами; они думают, это телефонный номер. Напоминает наспех написанную записку. Она была скомкана, как будто ее собирались выбросить.

– И какой там номер?

– Зональный код – 600. Они говорят, что это канадский оператор мобильной связи. Причем какой-то особенный. Дальше идут цифры и буква «Д», вроде первой буквы имени.

– Мне это ничего не говорит, – сказал я.

– Мне тоже. Если не считать того, что, по моим представлениям, это не телефонный номер. Там нет кодовых цифр, указывающих на оператора; кроме того, их вообще на одну больше.

– Если это какой-то особенный оператор, может, ему не нужны кодовые цифры.

– Номер выглядит неправильно.

– И как он выглядит?

Вместо ответа она потянулась назад и достала из заднего кармана брюк маленький блокнот. Не из тех, что выдают копам. У него была жесткая черная обложка и эластичная лента, которая не давала ему открыться. Блокнот слегка потерял форму, как будто проводил много времени в ее кармане. Тереза Ли сняла ленту, открыла его и показала мне коричневую страничку с аккуратными цифрами: 600-82219-Д. Я решил, что она сама их написала. Это не была точная копия записки, а всего лишь информация.

600-82219-Д.

– Видите что-нибудь? – спросила она.

– Может быть, номера канадских мобильных телефонов длиннее, – предположил я, поскольку знал, что операторы связи по всему миру обеспокоены тем, чтобы постоянно оставаться на плаву.

Если добавить еще одну цифру, возможности зонального кода увеличатся в десять раз и вместо трех миллионов станет тридцать. Впрочем, в Канаде живет мало людей. Там много земли, но она пустует. Население Канады составляет около тридцати трех миллионов человек, меньше, чем в Калифорнии, которая прекрасно обходится стандартными номерами.

– Это не телефонный номер, тут что-то другое, – повторила Ли. – Например, шифр или серийный знак. Может быть, код досье. Эти парни зря теряют время.

– Возможно, он вообще не имеет отношения к тому, что случилось. Мусор в машине может быть чем угодно.

– Не моя проблема.

– У Сьюзан Марк был с собой багаж? – спросил я.

– Нет, ничего, кроме обычного барахла, которое обычно скапливается в машине.

– Значит, она собиралась быстро закончить свои дела и вернуться домой.

Ли никак не отреагировала, только зевнула. Она очень устала.

– А те парни поговорили с братом Сьюзан?

– Не знаю.

– У меня сложилось впечатление, что он хочет оставить все как есть.

– И я его понимаю, – сказала Ли. – Самоубийство не совершают без причины, но оно никогда не выглядит привлекательно. По крайней мере, по моему опыту.

– Вы закрываете дело?

– Уже закрыли.

– Довольны?

– А почему я должна быть недовольна?

– Статистика, – ответил я. – Восемьдесят процентов самоубийств совершают мужчины. На Востоке они случаются реже, чем на Западе. А место, где Сюзан Марк застрелилась, кажется довольно странным.

– Но она это сделала. Вы же сами все видели. По поводу того, что произошло, нет ни малейших сомнений и спорных вопросов. И мы не имеем дела с хитро замаскированным убийством.

– Возможно, ее довели до самоубийства. Возможно, Сюзан Марк убили ее собственными руками.

– Так можно сказать про все самоубийства.

Тереза окинула взглядом улицу; она явно хотела уйти, но, видимо, хорошее воспитание мешало ей сказать об этом прямо.

– Было приятно с вами познакомиться, – выручил ее я.

– Вы уезжаете из Нью-Йорка?

– Да, поеду в Вашингтон.

Глава 20

Я сел в поезд на Пенсильвания-Стейшн. Снова общественный транспорт. Добраться до вокзала оказалось совсем не просто – три квартала в толпе, постоянно вглядываясь в лица, смотрящие на экраны мобильных телефонов. У меня сложилось впечатление, что все население мира достало какое-то электронное приспособление и открыло его. Но я прибыл на место в целости и сохранности и купил билет за наличные.

Поезд был забит людьми и совсем не походил на метро. Все пассажиры сидели лицом вперед, и их скрывали высокие спинки. Так что я видел только тех, кто находился в одном ряду со мной, – женщину на соседнем сиденье и двоих мужчин через проход. Я решил, что все трое – адвокаты, но не из высшей лиги; вероятно, старшие юристы с наполненной событиями жизнью. В общем, ничего похожего на террористов-смертников. Мужчины были гладко выбриты, причем недавно, и все трое нервничали, но больше ничего, что могло бы вызвать подозрения. Впрочем, поезда «Амтрак»²⁶, направляющиеся в Вашингтон, не для террористов-смертников. Здесь скорее оставят бомбу в портфеле или чемоданчике. На вокзале путь, с которого отправится поезд, объявляют в последнюю минуту, пассажиры толпятся на платформе, потом бросаются вперед и загружаются в вагоны. Системы безопасности нет. На полках для багажа имеются одинаковые черные ограничители. Для террориста не составит никакого труда сойти в Филадельфию и оставить свой чемодан в вагоне. А чуть позже, когда поезд подъедет к Юнион-Стейшн уже без него, взорвать бомбу в самом сердце столицы при помощи мобильного телефона.

Но мы доехали до места назначения без происшествий, и я вышел на Делавэр-авеню живой и невредимый. В Вашингтоне оказалось так же жарко, как в Нью-Йорке, только влажность была выше. На тротуарах передо мной толпились группы туристов, в основном семьи со всех концов страны. Исполняющие свой долг родители, мрачные дети, все в ярких шортах и футболках, с картами в руках и фотоаппаратами на изготовку. Должен сказать, что я не мог похвастаться своим нарядом, да и приезжал сюда нечасто. Время от времени я здесь работал, но всегда на левом берегу реки. Впрочем, я знал, куда мне нужно. Мою цель невозможно было ни с чем перепутать, и она находилась прямо передо мной – Капитолий.

Его построили с твердым намерением произвести впечатление. Предполагалось, что иностранные дипломаты, которые приедут сюда во времена нарождающейся республики, будут покидать эти стены, уверенные в том, что новая нация является достойным игроком. И эту задачу удалось выполнить. За Капитолием на другой стороне авеню Независимости расположились офисы Палаты представителей. В некоторый момент моей жизни я имел зачаточные представления о политике Конгресса. Иногда расследование приводило нас прямо к комитетам, и я знал, что в здании Рейберн полно обрюзгших старых уродов, которые находятся в Вашингтоне целую вечность. Поэтому относительно нового человека вроде Сэнсома наверняка разместили в Кэннон-Хаус, престижном, но не высшего разряда.

Кэннон-Хаус расположился между авеню Независимости и Первой; он присел напротив угла Капитолия, как будто поклонялся его величию или чем-то грозил. Перед дверью стояла целая толпа самых разных охранников. Я спросил парня в форме, на месте ли мистер Сэнсом из Северной Каролины, тот проверил список и ответил, что тот в здании. Тогда я поинтересовался, могу ли я отправить в его офис записку. Охранник выдал мне карандаш, бумагу с логотипом Палаты представителей и конверт.

²⁶ Национальная железнодорожная пассажирская корпорация, действующая под коммерческим названием «Амтрак», – американская железнодорожная компания, занимающаяся пассажирскими железнодорожными перевозками.

Я написал на конверте: «Майору Джону Т. Сэнсому, армия США, в отставке», – и поставил дату и время. На листке я сообщил ему следующее: «Сегодня рано утром я видел, как умерла женщина; последнее, что она произнесла, было ваше имя». Неправда, но близко к тому. Дальше я добавил: «Через час на лестнице библиотеки Конгресса». И подпись: «Майор Джек – второго имени нет – Ричер, армия США, в отставке». В нижней части листочка имелась клетка, в которой нужно было поставить галочку, ответив на вопрос: «Вы мой избиратель?» Я поставил галочку. Не совсем правда, потому что я не жил в округе Сэнсома, но, с другой стороны, я не жил ни в одном из 434 других округов. Зато служил в Северной Каролине, трижды, в разное время. В общем, я решил, что имею полное право на галочку. Я запечатал конверт, отдал его, вышел на улицу и стал ждать.

Глава 21

Я прошел по жаре по авеню Независимости до Аэрокосмического музея, затем развернулся и зашагал к библиотеке. Сел на ступеньки за пятьдесят минут до назначенного времени, отметив про себя, что камень прогрет солнцем. Выше, надо мной, за дверями стояли охранники в форме, но ни один из них не вышел наружу. Видимо, библиотека находилась в нижней части списка объектов, которые могут подвергнуться угрозе теракта.

Я не рассчитывал, что на встречу со мной придет сам Сэнсом, не сомневаясь, что он пришлет кого-то из своих людей. Может быть, тех, кто занимается его избирательной кампанией. Сколько их будет и какого возраста, я даже представить себе не мог. Скорее всего, от одного до четырех, от студентов последнего курса до настоящих профессионалов. Мне было страшно интересно, что же будет на самом деле. Появление одного молодого человека покажет, что Сэнсом не слишком серьезно отнесся к моей записке. Четверо взрослых, опытных мужчин – значит, она его задела и, возможно, ему есть что скрывать.

Назначенный час наступил и прошел, но я не увидел ни сотрудников Сэнсома, ни специалистов по избирательным кампаниям, ни молодых, ни старых. Вместо них я получил жену Сэнсома и главу его службы безопасности. Через десять минут после истечения назначенного времени я увидел, как из лимузина выбралась пара, мужчина и женщина, которые довольно странно выглядели рядом. Они остановились у основания лестницы и принялись оглядываться по сторонам. Я узнал женщину по фотографиям из книги Сэнсома. В жизни она выглядела точно так, как должна выглядеть жена миллионера: прическа из дорогого салона, хорошая фигура, отличный цвет лица. У меня сложилось впечатление, что она дюйма на два выше мужа и на все четыре в туфлях на высоком каблуке. Ее спутник был похож на ветерана «Дельты» в костюме – невысокого роста, жилистый и крепкий. Тот же физический тип, что и Сэнсом, только более жесткий, чем Сэнсом на фотографии. Его костюм консервативного покроя, сшитый из хорошего материала, весь помялся и пузырился в разных местах, точно повидавшая виды защитная форма.

Они стояли рядом, разглядывали прохожих и одного за другим вычеркивали из своего списка. Когда никого, кроме меня, не осталось, я помахал им рукой, но вставать не стал. Я знал, что они подойдут и остановятся чуть ниже меня. Если бы я поднялся на ноги, то оказалось бы, что я выше их обоих на целых три фута. Значит, сидя я не произведу на них устрашающего впечатления, что весьма полезно для предстоящего разговора. И практичнее с точки зрения сохранения сил, потому что я ужасно устал.

Они направились в мою сторону. Миссис Сэнсом в своих дорогих туфлях делала аккуратные маленькие шажки, парень из «Дельты» старался двигаться на одном уровне с ней. Они остановились на две ступеньки ниже меня и представились. Миссис Сэнсом сказала, что ее зовут Элспет, ее спутник сообщил, что он Браунинг, и добавил, что его имя пишется точно так же, как марка автоматической винтовки. Наверное, рассчитывал меня таким способом напугать. О нем в книге Сэнсома ничего не говорилось, и я несколько удивился, увидев его.

Не теряя времени, Браунинг принялся излагать мне свою биографию, начиная с военной службы бок о бок с Сэнсомом. После увольнения из армии он работал главой службы безопасности компании Сэнсома, когда тот развивал свой бизнес, потом стал главой службы безопасности, пока Сэнсом заседал в Палате представителей. Судя по всему, он собирался оставаться на этом посту, когда его босс попадет в Сенат и дальше. Эта грандиозная презентация, в которой участвовали жена и преданный вассал, проходила под лозунгом «Верность!», чтобы у меня рассеялись последние сомнения насчет того, что для них является самым главным. Впрочем, я понимал, что с политической точки зрения Сэнсом поступил мудро, отправив на встречу со мной жену. По большей части серьезные скандалы разгораются, когда мужчина пытается

решить проблемы тайно от своей жены. То, что Сэнсом с самого начала выставил ее на баррикады, являлось своего рода заявлением.

– Мы выиграли огромное количество выборов и не собираемся останавливаться, – сказала она. – До вас многие пытались проделать то, что вы затеяли, но у них ничего не вышло, и у вас тоже не выйдет.

– Я ничего такого не пытаюсь сделать, – ответил я. – И мне плевать, кто победит на выборах. Умерла женщина, и я хочу понять почему.

– Какая женщина?

– Служащая Пентагона. Прошлой ночью в вагоне нью-йоркского метро она выстрелила себе в голову.

Элспет Сэнсом посмотрела на Браунинга, тот кивнул и сказал:

– Я видел в новостях в Интернете. Об этом сообщили «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Самоубийство произошло ночью, и о нем не успели напечатать в обычных газетах.

– В начале третьего ночи, – уточнил я.

Элспет Сэнсом снова взглянула на меня и спросила:

– А вы какое имеете к этому отношение?

– Я свидетель.

– И она упомянула имя моего мужа?

– Данный вопрос я намерен обсудить с ним. Или с «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост».

– Вы нам угрожаете? – поинтересовался Браунинг.

– Похоже на то, – ответил я. – Ну, и как вы с этим поступите?

– Вам следует знать, что слабаки не делают того, что Джон Сэнсом делает всю свою жизнь. Я к категории слабаков тоже не отношусь. Как и миссис Сэнсом, – заявил он.

– Великолепно, – обрадовался я. – Мы установили, что никто из нас не является слабым. На самом деле мы все жесткие, как камень. Пора двигаться дальше. Когда я увижу вашего босса?

– В каких войсках вы служили?

– Я был тем, кого вам следовало очень сильно бояться, хотя, скорее всего, вы таких, как я, не боялись совсем. Впрочем, это не имеет значения. Я не собираюсь никому причинять вреда. Если, конечно, не возникнет необходимости.

– Сегодня вечером, в семь часов, – сказала Элспет Сэнсом и назвала ресторан внутри транспортного кольца Дюпон-Серкл. – Мой муж уделит вам пять минут. – Она снова посмотрела на меня и добавила: – И не приходите в таком виде, иначе вас не пустят внутрь.

Они уселись в свой лимузин и укатили, а мне нужно было как-то убить три часа. Я доехал на такси до угла Восемнадцатой улицы и Массачусетс-авеню, нашел там магазин и купил простые голубые брюки и голубую в клетку рубашку с воротником. После этого отправился пешком в отель, который заметил на Восемнадцатой в двух кварталах южнее. Он оказался большим и достаточно шикарным, а большие шикарные отели – как раз то, что нужно, если возникает необходимость воспользоваться удобствами без предварительной регистрации. Я прошел через холл мимо служащих, кивнув им на ходу, поднялся на лифте на случайно выбранный этаж и двинулся по коридору, пока не обнаружил горничную, которая убирала пустой номер. Было начало пятого, заселяются номера в два, значит, этот будет ночью пустовать. Может быть, и в следующую ночь тоже. Большие отели редко заполняются на все сто процентов. И там никогда не обращаются хорошо с горничными. Поэтому она с радостью взяла тридцать долларов наличными и согласилась прервать уборку на тридцать минут. Она наверняка отправилась в следующий номер, решив вернуться сюда потом.

Горничная еще не успела убрать ванную комнату, но на вешалке висели два чистых полотенца. Ни одному человеку не под силу использовать все полотенца, которые предоставляют своим постояльцам большие отели. Рядом с раковиной лежал кусок мыла в упаковке, в душевой кабине я обнаружил половину бутылки шампуня. Я почистил зубы и довольно долго стоял под душем, потом надел новые брюки и рубашку и переложил в них содержимое своих карманов, оставив старую одежду в мусорном ведре в ванной. Тридцать баксов за номер. Дешевле, чем водолечебница, и значительно быстрее. Я снова вышел на улицу через двадцать восемь минут.

Я дошел до Дюпон, чтобы посмотреть на ресторан, где мне назначили встречу. Афганская кухня, во дворе столики, внутрь ведет деревянная дверь. В общем, из тех мест, куда приходят могущественные игроки, готовые заплатить двадцать баксов за аперитив, который на улицах Кабула стоит двадцать центов. Я не имел ничего против еды, но цены меня не устраивали. Поэтому я решил, что поговорю с Сэнсомом, а потом поем в каком-нибудь другом заведении.

Я прошел по Пи-стрит на запад до парка Рок-Крик и спустился к самой воде. Там я сел на широкий плоский камень и стал слушать шум реки внизу и грохот транспорта наверху. Через некоторое время транспорт начал заглушать воду. Когда часы у меня в голове пробили без пяти семь, я вскарабкался на тропинку и направился в ресторан.

Глава 22

В семь вечера в Вашингтоне начало темнеть, и во всех заведениях на Дюпон загорелся свет. Во дворе перед афганским рестораном были развешаны бумажные фонарики, у тротуара перед ним выстроились лимузины, а за большинством столиков, стоявших снаружи, устроились посетители. Однако я не видел среди них Сэнсома и его компанию. Только молодых мужчин в костюмах и молодых женщин в юбках; они сидели парами, иногда по трое или даже вчетвером, разговаривали, звонили по сотовым телефонам, читали электронные письма на устройствах, которые помещались на ладони, доставали бумаги из портфелей или засовывали их туда. Я решил, что Сэнсома нужно искать внутри, за деревянными дверями.

Неподалеку от тротуара стояла конторка старшей официантки, но, прежде чем я до нее дошел, сквозь толпу посетителей пробрался Браунинг и остановился передо мной. Он кивком показал на черный лимузин в двадцати футах от нас и сказал:

– Поехали.

– Куда? Вы сказали, что Сэнсом будет здесь, – сказал я.

– Подумай хорошенько. Мистер Сэнсом не станет есть в таком месте. Но даже если бы он и захотел, мы бы ему не позволили. Неправильный национальный состав. Слишком ненадежно.

– Тогда зачем вы сказали, чтобы я сюда пришел?

– Нам же нужно было выбрать какое-то место. – Он стоял с таким видом, будто его совершенно не беспокоило, поеду я с ним или нет.

– И где же он? – поинтересовался я.

– Недалеко. У него назначена встреча, и он может уделить тебе пять минут до того, как она начнется.

– Ладно, поехали, – сказал я.

В лимузине уже сидел водитель, мотор работал. Мы с Браунингом уселись на заднее сиденье, и машина тут же тронулась с места. Мы проехали большую часть кольца, потом свернули на юго-запад и покатали по Нью-Хэмпшир-авеню. Когда мы миновали здание Исторического общества, я подумал, что, если все правильно помню, дальше находится несколько отелей, а за ними – Университет Джорджа Вашингтона.

Но мы проехали мимо отелей и мимо Университета Джорджа Вашингтона, резко свернули направо на Вирджиния-авеню и через пару сотен ярдов оказались в Уотергейте, знаменитом старом комплексе. В том самом месте, где было совершено преступление. Отели, квартиры, офисы и река Потомак, которая медленно несет свои темные воды вниз. Водитель остановился около офисного здания, но Браунинг остался на своем месте.

– Итак, правило: я тебя отведу наверх, ты войдешь в кабинет один, но я буду стоять за дверью. Тебе все понятно?

Я кивнул, мне было все понятно. Мы выбрались из лимузина. Внутри, около двери, за столом сидел охранник в форме, но он не обратил на нас ни малейшего внимания. Мы сели в лифт, и Браунинг нажал на кнопку четвертого этажа. Оба мы не произнесли ни звука. Выйдя из лифта, прошли двадцать футов по серому ковру к двери с табличкой «Многоцелевые исследования». Слишком общее название и непримечательный кусок дерева. Браунинг открыл дверь и провел меня внутрь. Я увидел приемную, говорившую об умеренном финансировании: пустой стол секретарши, четыре низких кожаных кресла, кабинеты справа и слева. Браунинг показал мне налево и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.